

БЕЗУМИЕ ТОЛПЫ

КАК МИР СОШЕЛ С УМА ОТ ТОЛЕРАНТНОСТИ
И ПОПЫТОК УГОДИТЬ
ВСЕМ

ДУГЛАС МЮРРЕЙ

Дуглас Мюррей

**Безумие толпы. Как мир
сошел с ума от толерантности
и попыток угодить всем**

«РИПОЛ Классик»

2020

УДК 316.4
ББК 60.56

Мюррей Д.

Безумие толпы. Как мир сошел с ума от толерантности и попыток угодить всем / Д. Мюррей — «РИПОЛ Классик», 2020

ISBN 978-5-386-14286-5

В «Безумии толпы» Дуглас Мюррей исследует опасности «культуры отмены» и роста политики идентичности, которые все чаще становятся не способом защитить угнетенных, а инструментом наказания несогласных. Он обращается к таким противоречивым вопросам современности как сексуальность, пол, раса и влияние технологий на наше поведение в Интернете, где нам следует заново научиться прощению и состраданию. Дуглас Мюррей один из немногих авторов, осмеливающихся опровергнуть преобладающее общественное мнение и поставить под сомнение драматические изменения в нашем обществе – от хирургической коррекции пола детям до того, как права трансгендерных людей влияют на женщин. Проницательная книга Мюррея возвращает здравый смысл в хаос сложных моральных дилемм современности. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 316.4
ББК 60.56

ISBN 978-5-386-14286-5

© Мюррей Д., 2020
© РИПОЛ Классик, 2020

Содержание

Введение	6
1. Геи	13
Делать все гейским	19
Путь в один конец?	21
Природа vs. воспитание и необходимость того, чтобы «быть рожденным таким»	26
Философское замешательство	29
Геи vs. квиры	31
Равный или лучший?	35
Воспитание детей в гей-парах	36
Политична ли гомосексуальность?	38
Каковы вероятные причины «гомофобии»?	41
Интерлюдия. Марксистские основания	44
2. Женщины	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Дуглас Мюррей

Безумие толпы. Как мир сошел с ума от толерантности и попыток угодить всем

Copyright © Douglas Murray, 2019

Afterword © Douglas Murray, 2020

© Ломтева Н. А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»,

2021

* * *

Особенность современного мира не в том, что он скептичен, а в том, что он догматичен, сам того не зная.

Гилберт Кит Честертон

*'Oh my gosh, look at her butt,
Oh my gosh, look at her butt,
Oh my gosh, look at her butt,
(Look at her butt),
Look at, look at, look at,
Look at her butt'*

Ники Минаж

Введение

Мы проходим через великое безумие толпы. На публике и в частной жизни, как в Интернете, так и вне его, люди ведут себя все более иррационально, лихорадочно, стадно и попросту неприятно. Ежедневный поток новостей полон последствий этого поведения. Тем не менее, хоть мы и видим повсюду симптомы, мы не видим причин.

Этому давались различные объяснения. Они, как правило, предполагают, что любое безумие является следствием президентских выборов или референдума. Но ни одно из объяснений не проникает в суть того, что происходит. Поскольку за всеми этими ежедневными событиями стоят гораздо более крупные движения и гораздо более масштабные события. Пришло время встретиться лицом к лицу с истинными причинами всего того, что идет не так.

Даже истоки этого состояния редко осознаются. А в истоках – тот простой факт, что мы уже более четверти века живем в состоянии, когда все наши великие нарративы рухнули. Один за другим они опровергались, становились непопулярными и сложными для поддержания. Первым пало объяснение причин нашего существования, которое давала религия – оно разрушалось с XIX века и далее. Затем, в XX веке, вслед за ней последовали секулярные надежды политических идеологий. В конце XX века мы вступили в эпоху постмодерна. Эта эпоха определяла сама себя и определялась другими через ее подозрительное отношение ко всем великим нарративам¹. Однако, как это знают даже школьники, природа не терпит пустоты, и в постмодернистский вакуум начали влезать новые идеи – с намерением привнести свои собственные объяснения и смыслы.

Было неизбежно, что некто сделает шаг на эту пустынную территорию. Люди, живущие в богатых западных демократических обществах сегодня, не могли бы попросту оставаться первыми людьми за всю историю человечества, у которых не было бы совершенно никакого объяснения тому, что мы здесь делаем, и никакой истории, которая придала бы жизни смысл.

Несмотря на свое несовершенство, великие нарративы по крайней мере наделяли жизнь смыслом. Вопрос о том, что именно мы должны делать теперь – помимо того, чтобы богатеть, когда есть возможность, и веселиться, когда есть возможность – должен был получить какой-то ответ.

Ответ, который представился в последние годы, заключается в том, чтобы вступать в новые битвы, ввязываться во все более ожесточенные кампании и высказывать все более изощренные требования. В том, чтобы найти смысл, ведя постоянную войну против любого, кто, кажется, принимает неверную позицию в вопросе, который, возможно, сам только что был переформулирован и ответ на который только что изменился. Невероятная скорость, с которой шел этот процесс, была в основном вызвана тем, что несколько компаний в Кремниевой Долине (в частности, Google, Twitter и Facebook) теперь не только властны управлять тем, что большинство людей в мире будет знать, о чем будет думать и говорить, но и имеют в своей основе бизнес-модель, которая точно была описана как полагающаяся на поиск «клиентов, готовы платить за то, чтобы изменить чье-то поведение»². И все же, несмотря на то, что нас раздражает мир технологий, который развивается быстрее, чем мы, эти войны ведутся не бесцельно. Они последовательно ведутся в одном направлении. И у этого направления есть масштабная цель. Эта цель – не осознаваемая одними людьми и преднамеренно преследуемая другими – состоит в том, чтобы внедрить в наше общество новую метафизику: новую религию, если хотите.

¹ See Jean-Francois Lyotard (trans. Geoff Bennington and Brian Massumi), *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*, Manchester University Press, 1984, pp. xxiv and 37.

² Jaron Lanier, *Ten Arguments for Deleting your Social Media Accounts Right Now*, Henry Holt, 2018, p. 26.

Хотя основы закладывались в течение нескольких десятилетий, только начиная с финансового кризиса 2008 года произошло погружение в поток идей, которые до этого, как известно, существовали только в самых отдаленных закоулках академических кругов. Привлекательность этого нового набора убеждений довольно очевидна. Непонятно, почему поколение, не способное накапливать капитал, должно испытывать любовь к капитализму. И нетрудно понять, почему для поколения, которое убеждено, что никогда не будет способно приобрести собственный дом, может быть привлекателен идеологический образ мышления, который обещает расправиться со всем неравенством не только в их собственных жизнях, но и с любым неравенством в мире. Интерпретация мира сквозь призму «социальной справедливости», «политики групповой идентичности» и «интерсекциональности», вероятно, является самой смелой и всеобъемлющей попыткой создать новую идеологию со времен окончания холодной войны.

Из них трех «социальная справедливость», потому что она кажется – а в некоторых версиях и является – привлекательной. Даже сам термин не подразумевает оппозиции к себе. «Вы против социальной справедливости? Вы что, хотите социальной несправедливости?»

«Политика идентичности» между тем стала тем местом, где социальная справедливость нашла свое воплощение. Она разделяет общество на различные группы интересов в соответствии с полом (гендером), расой, сексуальными предпочтениями и так далее. Она предполагает, что такие характеристики являются главными или единственными релевантными атрибутами своих носителей, а также то, что они приносят с собой некий дополнительный бонус. Например, как выразился американский писатель Коулман Хьюз, предполагается, что существует некое «высокое моральное знание», которое приходит вместе с чернокожестью, или женским полом, или гомосексуальностью³. Это является причиной склонности людей начинать свои вопросы или утверждения со слов «Я как... хочу сказать...» И это вопрос, в котором и живые, и мертвые люди должны занимать правильную сторону. Это та причина, по которой люди взывают к сносу памятников историческим личностям, которые воспринимались как принявшие неверную сторону, и это то, почему прошлое должно быть переписано для тех, кого вы хотите спасти. Это то, почему для сенатора от политической организации «Шинн Фейн» стало совершенно нормальным утверждать, что участвовавшие в голодной забастовке 1981 года члены ИРА бастовали за права геев⁴. Политика идентичности – это то, где группы меньшинств должны одновременно разделяться, организовываться и провозглашаться.

Наименее привлекательно в этой троице звучит понятие «интерсекциональности». Оно является приглашением к тому, чтобы провести остаток наших жизней в попытке выделить в себе и других каждую идентичность и каждое уязвимое место, а затем организовать в соответствии с той системой справедливости, которая вырастает из постоянно сдвигающихся иерархий, которые мы обнаруживаем. Это система, которая является не просто неосуществимой, но и сводящей с ума, она выдвигает невозможные требования и стремится к недостижимым целям. Но сейчас интерсекциональность вырвалась за пределы отделений социальных наук в гуманитарных колледжах, из которых она выросла. Теперь она воспринимается все-речь молодыми людьми и – как мы увидим – закрепляется путем трудового законодательства (в частности, через «приверженность разнообразию») во всех крупных корпорациях и правительствах.

Для того чтобы заставить людей принять новые предположения, потребовалась новая эвристика. Скорость, с которой она внедрялась, поражает. Как заметил математик и писатель Эрик Вайнштейн (и как показывает поиск по Google Books), слова и словосочетания вроде «ЛГБТК», «белая привилегия» и «трансфобия» из практически неиспользуемых превратились

³ Coleman Hughes in conversation with Dave Rubin, The Rubin Report, YouTube, 12 October 2018.

⁴ 'Hunger strikers died for gay rights, claims Sinn Fein senator Fintan Warf eld', *Belfast Telegraph*, 15 August 2016.

в мейнстримные. Как он писал в комментарии к графику, описывающем эту картину, вся эта «прогрессивность», которую миллениалы и другие сейчас используют для того, чтобы «разорвать тысячелетия угнетения и/или цивилизации... была придумана около 20 минут назад». Он продолжал: в то время как нет ничего плохого в том, чтобы пробовать применять новые идеи и фразы, «чертовски опрометчиво так серьезно полагаться на такое большое количество неиспробованных эвристик, которые были придуманы вашими родителями в непроверенных областях знаний, которым нет и 50 лет»⁵.

Точно так же Грег Лукьянофф и Джонатан Хайдт отметили (в своей книге 2018 года «Лелеяние американского создания»), насколько новыми оказались средства контроля и насаждения этой новой эвристики. Слова и словосочетания вроде «триггерить» и «ощущать себя не в безопасности», а также утверждения о том, что слова, которые не вписываются в эту новую религию, наносят «вред», начали по-настоящему часто употребляться только начиная с 2013 года⁶. Как будто, определившись с тем, чем она хочет, эта новая метафизика в течение еще 50 последующих лет вырабатывала способ запугать своих последователей и тем самым заставить их войти в мейнстрим. Но ей это удалось – с большим успехом.

Результаты этого можно увидеть в ежедневных новостях. Эта метафизика стоит за новостями о том, что Американская психологическая ассоциация считает нужным инструктировать своих членов о том, как искоренять «традиционную маскулинность» из мальчиков и мужчин⁷. Она является причиной того, почему в прошлом совершенно не известный программист Google, Джеймс Дамор, мог быть уволен за то, что написал заметку, в которой говорил, что некоторые рабочие места в сфере технологий больше подходят мужчинам, а не женщинам. И она является причиной того, почему число американцев, которые считают расизм «большой проблемой», увеличилось вдвое за временной промежуток с 2011 по 2017 год⁸.

Теперь, когда мы смотрим на все сквозь новые линзы, которыми нас снабдили, все превращается в оружие, и это влечет за собой ненормальные и сводящие с ума последствия. Это – та причина, по которой газета «The New York Times» решила опубликовать статью, написанную чернокожим автором и озаглавленную «Могут ли мои дети дружить с белыми людьми?»⁹ И почему даже статья, посвященная смертям велосипедистов в Лондоне и написанная женщиной, может иметь заголовок «Дороги, спроектированные мужчинами, убивают женщин»¹⁰. Такая риторика обостряет существующие разногласия и создает все новые. И с какой целью? Вместо того, чтобы показать, как мы все можем ладить друг с другом, уроки, преподнесенные последним минувшим десятилетием, похоже, обостряют ощущение того, что в действительности мы довольно плохо друг с другом уживаемся.

Для большинства людей некоторая осведомленность об этой новой системе ценностей стала очевидной не столько путем проб, сколько путем очень публичных ошибок. Поскольку одна вещь, которую все начали по меньшей мере ощущать в последние годы, заключается в том, что во всей культуре расставлены подножки. Вне зависимости от того, были ли они расставлены отдельными людьми, группами людей или каким-то божественным сатириком, они ждали, пока люди один за другим не споткнутся о них. Иногда нога человека невольно задевает подножку, и тогда все взрывается. В других случаях люди наблюдали за тем, как какой-нибудь храбрый

⁵ См. <https://twitter.com/EricRWeinstein/status/1066934424804057088>

⁶ See Greg Lukianoff and Jonathan Haidt, *The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas are Setting up a Generation for Failure*, Allen Lane, 2018, pp. 5 – 7ff.

⁷ APA Guidelines for psychological practice with men and boys, August 2018: <https://www.apa.org/about/policy/boys-men-practice-guidelines.pdf>

⁸ See 'Views of racism as a major problem increase sharply, especially among Democrats', Samantha Neal, Pew Research Center, 29 August 2017.

⁹ Ekow N. Yankah, *The New York Times*, 11 November 2017.

¹⁰ Helen Pidd, 'Women shun cycling because of safety, not helmet hair', *The Guardian*, 13 June 2018.

безумец заходил прямо на ничейную территорию, отлично осознавая, что делает. После каждого последующего за этим взрыва начинается некий спор (включающий в себя иногда и возгласы восхищения), а затем мир движется дальше, смиряясь с тем, что еще одна жертва была побеждена этой странной и, похоже, изобретаемой на ходу системой ценностей нашего времени.

Потребовалось некоторое время на то, чтобы эти подножки стали различимыми, но теперь они ясно видны. Среди самых ранних были те, которые были связаны с гомосексуальностью. Во второй половине XX века шла борьба за равные права для геев, которая оказалась чрезвычайно успешной и обратила вспять ужасные несправедливости истории. Затем, когда война была выиграна, стало очевидно, что борьба не прекращается. Вместо этого она видоизменяется. ГЛБ (Геи, Лесбиянки, Бисексуалы) стали ЛГБ (Лесбиянки, Геи, Бисексуалы), чтобы не уменьшать видимость лесбиянок. Затем добавилась буква Т (что произошло гораздо быстрее). Затем – буква К и несколько звезд и звездочек. По мере того, как дополнялся гей-алфавит, что-то менялось внутри движения. Оно начало вести себя в состоянии успеха так, как когда-то вели себя его оппоненты. Когда ситуация изменилась в пользу движения, произошло нечто неприятное. Десять лет назад почти никто не поддерживал идею о легализации гей-браков. Даже такие группы по защите прав гомосексуалов, как «Stonewall», не поддерживали ее. Но прошло несколько лет, и гей-браки стали одной из фундаментальных ценностей современного либерализма. Не поддерживать однополые браки – спустя всего несколько лет после того, как почти никто их не поддерживал (включая группы по защите прав геев) – означает выйти за рамки дозволенного. Люди могут соглашаться с требованием права на однополые браки или не соглашаться, но для того, чтобы так быстро изменить нравы, нужно действовать с невероятной осторожностью и глубокой осмысленностью. Однако мы, похоже, стремительно мчимся мимо – ни осторожно, ни осмысленно.

Вместо этого по аналогичной схеме решались другие проблемы. Права женщин, как права гомосексуалов, неуклонно накапливались на протяжении XX века. Они тоже, казалось, приближались к какому-то урегулированию.

Затем, как только поезд, казалось, достиг желаемого места назначения, он вдруг набрал скорость и с грохотом покатился по рельсам. То, что еще вчера едва обсуждалось, сегодня стало тем, что способно разрушить жизнь человека. Целые карьеры были сметены с пути и отброшены в сторону, пока поезд мчался по своему пути.

Карьеры, подобные той, которая была у 72-летнего нобелевского лауреата, профессора Тима Ханта, были разрушены из-за одной неудачной шутки, произнесенной на конференции в Южной Корее – шутки о мужчинах и женщинах, влюбляющихся друг в друга в лабораториях¹¹. Такие словосочетания, как «токсичная маскулинность», вошли в обиход. Какая польза от того, чтобы отношения между полами были настолько опасными, что к мужской половине человеческого рода относились бы как к прокаженной? Или от развития идеи того, что у мужчин не должно быть права говорить о женщинах? Почему, когда женщины пробили больше «стеклянных потолков», чем когда-либо в истории, разговоры о «патриархате» и «менсплейнинге» просочились от задворков феминистских дискурсов в самое сердце таких мест, как австралийский сенат¹²?

Похожим образом движение за права человека в Америке, которое началось с попыток исправить одну из величайших исторических несправедливостей, казалось, приближалось к какому-то долгожданному разрешению. Но опять же, ближе к моменту победы все начало портиться. Как только все стало казаться лучше, чем когда-либо прежде, риторика сменилась:

¹¹ Tim Hunt interview by Robin McKie, 'I've been hung out to dry', *The Observer*, 13 June 2015. What got him into trouble were these words: 'Let me tell you about my trouble with girls. Three things happen when they are in the lab. You fall in love with them, they fall in love with you, and when you criticise them, they cry.'

¹² See the exchange between Senator Katy Gallagher and Senator Mitch Fifield in the Australian Senate on 11 February 2016.

согласно ей, дела никогда еще не обстояли хуже. Внезапно – после того, как большинство из нас надеялось, что проблема уже решена – все свелось к вопросу расы. Как и с другими вопросами-подножками, только дураку или сумасшедшему придет в голову даже подвергать сомнению – не говоря уже о том, чтобы оспаривать – такой поворот событий.

Затем, наконец, мы все, сбитые с толку, наткнулись на самую неизведанную территорию. То было утверждение о том, что среди нас существует значительное число людей, которые живут в неправильных телах, и что, как следствие, все однозначные понятия, оставшиеся в нашем обществе (включая понятия, укоренившиеся в науке и в языке), должны быть полностью переформулированы. В некотором смысле споры вокруг трансгендерности дают наибольшую пищу для размышлений. Несмотря на то, что самый новый из вопросов прав также затрагивает меньшее число людей, за него, тем не менее, борются с почти несравненной свирепостью и яростью. Женщины, которые приняли неверную позицию по этому вопросу, преследуются людьми, которые в прошлом были мужчинами. Пригодность родителей, которые озвучивают то, что еще вчера было распространенным обсуждением для того, чтобы быть родителями, подвергается сомнению. В Великобритании и в других местах полиция интересуется людьми, которые не признают, что мужчины могут быть женщинами и наоборот¹³.

Все эти новые проблемы начинали свое существование как законные кампании по защите прав человека. Это та причина, почему они так далеко продвинулись. Но в какой-то момент эти кампании преодолели некий водораздел. Недовольные равенством, определенные группы стали выбирать нестабильную позицию, основанную на том, что они «лучше». Многие могут возразить, что цель состоит в том, чтобы попросту оставаться какое-то время на позиции своего превосходства, чтобы сравнить историческое игровое поле. На заре движения #MeToo такие высказывания можно было услышать часто. Как сказал один ведущий канала CNN: «Возможно, это чрезмерная компенсация, но ничего страшного. Нам нужна компенсация»¹⁴. К сегодняшнему дню никто не сказал, когда эта чрезмерная компенсация будет завершена и кому мы можем доверить объявление о ее завершении.

Что известно всем, так это то, как будут называть людей, если их ноги лишь слегка зацепятся за эти новенькие подножки. «Ханжа», «гомофоб», «сексист», «мизогин», «расист» и «трансфоб» – и это только начало. Борьба за права, происходящая в наше время, сконцентрировалась вокруг этих токсичных и взрывных проблем. Но в процессе эти проблемы прав превратились из продукта системы в основание для новой системы. Чтобы продемонстрировать принадлежность системе, люди должны доказать свои полномочия и свою приверженность. Как можно продемонстрировать свою добродетельность в современном мире? Будучи «анти-расистом», конечно. Будучи «союзником» ЛГБТ-сообществу, разумеется. Подчеркивая, насколько сильно ваше желание – будь вы мужчиной или женщиной – уничтожить патриархат.

Это создает проблему «прослушивания», когда публичные признания в лояльности системе должны многословно озвучиваться – вне зависимости от того, есть в этом необходимость или нет. Это – продолжение известной проблемы либерализма, которая осознавалась даже теми, кто однажды вел благородную борьбу. Это тенденция, выявленная ныне покойным австралийским политическим философом Кеннетом Миноугом и названная синдромом «Святого Георгия на пенсии». Убив дракона, храбрый воин обнаруживает, что бродит по земле в поисках новых славных сражений. Ему нужны его драконы. В конце концов, утомившись в погоне за все более мелкими драконами, он даже размахивает мечом в воздухе, воображая, что борется с драконами¹⁵.

¹³ See for instance this thread: <https://twitter.com/HarryTheOwl/status/1088144870991114241>

¹⁴ CNN interview with Rep Debbie Dingell, 17 November 2017.

¹⁵ Kenneth Minogue, *The Liberal Mind*, Liberty Fund, Indianapolis edn, 2000, p. 1.

Если это является искушением для Святого Георгия, то представьте, что может сделать человек, который не является святым, у которого нет ни лошади, ни копья, и которого никто не замечает. Как бы они могли убедить людей в том, что, будь у них исторический шанс, они бы тоже без лишних вопросов убили дракона?

В тех заявлениях и в поддерживающей их риторике, которые будут цитироваться в этой книге, можно увидеть множество тому примеров. Наша общественная жизнь сейчас полна людей, страстно желающих занять места на баррикадах уже после того, как революция завершилась. Или потому, что они принимают баррикады за свой дом, или потому, что возвращаться домой им некуда. В каждом из случаев демонстрация добродетели требует преувеличения проблемы, что приводит к тому, что она и впрямь увеличивается.

Но во всем этом есть еще одна проблема, и в этом и состоит причина того, почему я не просто разбираю все эти основы новой метафизики не только всерьез, но и одну за другой. В случае каждого из этих вопросов растущее число людей, имея закон на своей стороне, притворяется, что и их вопрос в отдельности, и все они, вместе взятые, являются решенными, и по ним достигнуто всеобщее согласие. Но все обстоит совершенно противоположным образом. Природа того, по поводу чего все должны были достичь единогласия, такова, что согласие по этому поводу не может быть достигнуто. Каждая из этих проблем бесконечно более сложна и нестабильна, чем готово признать наше общество. Поэтому, собранные вместе как фундамент для новой морали и метафизики, они формируют основу всеобщего безумия. Действительно, сложно себе представить более шаткую базу для социальной гармонии.

Ибо, хотя расовое равенство, права меньшинств и права женщин относятся к одним из лучших достижений либерализма, они представляют собой самые непрочные основы. Попытка превратить их в фундамент сродни тому, чтобы перевернуть барный стул вверх ногами и попытаться балансировать, стоя на нем. Плоды системы не могут воспроизвести стабильность системы, которая их создала.

Хотя бы поэтому каждый из этих вопросов сам по себе является глубоко нестабильным компонентом. Мы представляем каждый из них как решенный и получивший ответ. И тем не менее, хотя бесконечное число противоречий, фальсификаций и выдумок в каждой из них очевидны для всех, их признание не только поощряется, но и буквально контролируется. И вот нас просят согласиться с вещами, в которые мы не можем поверить.

В этом состоит главная причина того, почему и онлайн-, и офлайн-дискуссии столь уродливы. Поскольку нас просят выполнить целый ряд прыжков и скачков, которые мы не можем сделать, и которые, возможно, делать неразумно. Нас просят верить в то, во что невозможно поверить, и нам говорят не протестовать против того, против чего многие люди сильно возражают. Например, речь идет о том, когда детям выписывают лекарства, нацеленные на остановку у них полового созревания. Боль, возникающая из-за того, что от вас ожидают, что вы промолчите в связи с одними важными темами и выполните невозможные трюки в связи с другими, огромна – не в последнюю очередь потому, что проблемы (включая внутренние противоречия) столь очевидны. Как может подтвердить любой, кому доводилось жить при тоталитаризме, в этом есть нечто унижительное и в конечном итоге разрушающее душу – в том, чтобы соглашаться с утверждениями, в которые вы не верите и которые не можете считать правдивыми. Если речь идет о вере в то, что каждый человек должен иметь в глазах других равнозначную ценность, и к нему нужно относиться с равносильным достоинством, то это может быть хорошо. Если вас просят поверить в то, что не существует разницы между гомосексуальностью и гетеросексуальностью, мужчинами и женщинами, расизмом и антирасизмом, то это со временем приведет вас к сумасшествию. Это сумасшествие – или безумие толпы, – то, в центре чего мы оказались, и то, из чего нам нужно найти выход.

Если у нас это не получится, то направление дальнейшего движения уже очевидно. Мы столкнемся с будущим, не только полным еще большего разобщения, гнева и насилия, но и

будущим, в котором возможность ответной реакции против всех предложений по улучшению прав – включая хорошие – становится более вероятной. Это будущее, в котором на расизм отвечают расизмом, на очернение по признаку пола отвечают очернением по признаку пола. На каком-то этапе унижения у большинства попросту не будет причин не ответить тем же, что так хорошо сработало на них самих.

Эта книга предлагает несколько способов выйти из этой ситуации. Однако лучший способ начать – это не понять основу того, что происходит сейчас, а иметь возможность свободно обсуждать это. Когда я писал эту книгу, я узнал, что у британской армии есть устройство для разминирования, которое теперь называется «Питон», а в более ранней версии было известно как «Гигантская гадюка». Когда эта система, установленная на прицепе, стреляет по минному полю, она выпускает ракету, за которой разворачивается похожий на шланг след длиной в сотни метров, весь начиненный взрывчаткой. Когда все это укладывается поперек минного поля (видео о том, как это выглядит, можно, как и многое другое, увидеть в Интернете), оно вызывает то, что называется «симпатической детонацией». Это означает, что весь этот шланг взрывается, взрывая также мины в пределах значительного радиуса от ракеты и ее хвоста. Хотя этот метод не может очистить минное поле целиком, он может очистить путь через минное поле, позволив людям, грузовикам и даже танкам безопасно перемещаться через пространство, которое до этого было непроходимым.

Я скромно считаю эту книгу своей «Гадюкой». Я не стремлюсь расчистить целое поле, и я не мог бы сделать этого, даже если бы захотел. Но я надеюсь, что эта книга поможет расчистить некий проход, по которому впоследствии люди смогут ходить с большей безопасностью.

1. Геи

В один из морозных февральских дней 2018 года в Лондоне прямо напротив кинотеатра на площади Пикадилли состоялась небольшая демонстрация. Тепло укутанные протестующие молча держали в руках транспаранты с написанным на них крупными буквами словом «Заглушенные». Большинство лондонцев, спешащих к автобусной остановке неподалеку или пересекающих улицу по направлению к бару, едва обращали на них внимание. Пожилая пара, проходя мимо, заметила, что протестующие в основном среднего возраста или старше. Прохожие переговаривались: «Наверное, какой-то протест ПСНК». Но это было не так. Десятки людей собрались здесь, чтобы посмотреть фильм под названием «Голоса заглушенных» («Voices of the Silenced»). Но, как указывали их транспаранты, и сами «голоса заглушенных» были подавлены.

Организаторы забронировали билеты за три месяца до показа, и, как они сами утверждают, соблюли все требования кинотеатра, касающиеся закрытых показов, включая предварительную отправку в кинотеатр фильма, который они собирались смотреть. Но за день до показа онлайн-издание «Pink News» – одно из немногих сохранившихся британских гей-изданий – узнало о показе и призвало к тому, чтобы его немедленно отменить. Этот призыв увенчался успехом. Сеть кинотеатров «Vue» мгновенно оградила себя от любой критики, заявив, что оставляет за собой право отменять частные кинопоказы в том случае, если фильм, готовящийся к показу, «напрямую противоречит ценностям» сети. Представители кинотеатра также сообщили организаторам показа, что в случае, если показ все же состоится, это может расцениваться как «угроза порядку» или даже «угроза безопасности» кинотеатра.

Поэтому в вечер премьеры, когда все 126 зрителей, приехавшие на показ фильма – среди них были даже те, кто прибыл из Голландии – собрались для просмотра, организаторы были вынуждены подыскивать другое место для того, чтобы осуществить показ. Главным среди них был доктор Майкл Дэвидсон из организации «Core Issues Trust». Дэвидсон – доктор, но не медик. У него есть докторская степень в сфере образования, но, как и многие видные деятели, приставляющие слово «доктор» к своему имени, он бы не сильно обиделся, если бы кто-то решил, что он и впрямь врач.

Дэвидсон стал известен шестью месяцами ранее благодаря своему участию в программе «Good Morning Britain» на канале ITV, темой которой в тот день была гомосексуальность и так называемая «репаративная терапия». Дэвидсон заявил, что и сам был геем – или, во всяком случае, имел гомосексуальный опыт. Но в какой-то момент он осознал, что это не для него. Со своей женой он провел вместе уже 35 лет и завел двоих детей. Он считает, что путь, который он прошел, доступен каждому, и теперь он предлагает добровольные консультации в своей терапевтической группе тем людям, которые хотели бы стать гетеросексуалами, как и он – признавая, однако, что порой возникают некие «желания», у которых он не идет на поводу.

Когда обо всем этом его напрямую спросили на британском телевидении, Дэвидсон спокойно и вежливо объяснил, что, по его мнению, гомосексуальность – это отклонение, а также подчеркнул, что гомосексуалами не рождаются, а становятся. На вопрос о том, можно ли перестать быть гомосексуалом, он утверждал, что «в некоторых случаях гомосексуальность обретаема – для тех, кто хочет выбрать такой жизненный путь». Доктор Дэвидсон успел произнести это прежде, чем его интервьюер, Пирс Морган, обвинил его на глазах у всех студии: «Знаете, как мы называем таких людей, доктор Майкл? В современном мире мы называем их маленькими отвратительными гомофобами. Гомофобами, которые несут полную ахинею и которые, по-моему, являются опасной и злобной частью нашего общества. Что с вами не так? Как вы можете считать, что геями не рождаются, что их развращают для этого и что их можно от этого вылечить? Вы вообще кто такой, чтобы нести такую чушь?»

Не слишком смущенный, Дэвидсон попросил Моргана привести доказательства того, что геями рождаются, заметив при этом, что ни Американская психологическая ассоциация, ни британский Королевский колледж психиатров не считают, что гомосексуальность является врожденным и неизменным свойством. В этот момент интервьюер велел ему «помолчать минуту» и «перестать трепаться о всяких обкуренных американских ученых». Затем он продолжил, крича: «Заткнитесь, старый гомофоб», пока наконец не завершил интервью со словами «С меня хватит. Доктор Майкл, заткнитесь»¹⁶. И вот интервью закончилось. Машина от ITV заехала за гостем программы ранним утром и отвезла его на национальное телевидение только для того, чтобы там ему велели заткнуться.

Шесть месяцев спустя Дэвидсона по-прежнему не занимает эта шумиха. Стоя снаружи кинотеатра на площади Пикадилли, он делает телефонный звонок и с облегчением сообщает собравшимся, что нашел новое место для показа фильма. После этого толпа направляется к Эммануэль-центру в Вестминстере – это прямо за углом от здания парламента.

Входные двери в Эммануэль-центр плотно закрыты, но, если вы назовете свое имя у черного входа и обнаружите себя в списке приглашенных, перед вами откроется самая суть мероприятия. Действительно, войдя внутрь, можно увидеть, что это довольно веселая вечеринка. Каждый получает бокал просекко и пакет попкорна, которые можно взять с собой на киносеанс. Ко мне подходит пожилая женщина и благодарит за то, что я пришел. «Конечно, я в курсе вашего происхождения, – говорит она, и я понимаю, что речь идет не о том, где я родился, после чего она добавляет рассудительно: – Ведь вы об этом часто говорите». Но, по ее словам, поэтому она только еще больше рада видеть меня здесь. Действительно, я, похоже, единственный открытый гей, присутствующий на показе фильма, предназначенного для излечения геев. Но я подозреваю, что я здесь не единственный гей.

Фильм «Голоса заглушенных» оказался менее связным, чем можно было ожидать. Его основная суть (как объяснял сам Дэвидсон в начале фильма) заключается в том, чтобы «объединить древнюю идеологию с современной идеологией». Было неясно, как именно это нужно сделать, и создавалось впечатление, будто фильм состоял из двух разных пленок, неловко склеенных вместе на завершающем этапе монтажа. Первая пленка посвящена древнему миру и полна устрашающих апокалиптических образов. Вторая же состоит из очень подробных признаний докторов и пациентов, рассказывающих о том, как они были, а потом перестали быть геями. Вместе с доктором Дэвидсоном там есть и доктор Стивен Баскервилль, а также эксперт из Техаса по имени (не могу сдержать смехок) Дэвид Пикап.

Всякий раз, когда в фильме показывают что-то про разрушенный в нашу эру храм или Триумфальную арку Тита, повествование резко переключается на геев. Или бывших геев. Нам рассказывают, что «новое учение поощряет гомосексуальность». Затем, наряду с различными «экспертами» – преимущественно из США – начинаются признания. Совершенно неясно, как все это связано с Триумфальной аркой Тита. Возможно, гомосексуальность ведет к разрушению цивилизации? Если это и подразумевается, то ни разу не произносится. В фильме показывалась «бывшая лесбиянка» – теперь замужняя и с пятью детьми – которая утверждала, что ее «слабость» вновь всплыла наружу десять лет назад, но ей помог священник. Несколько очевидцев говорят о суицидальных мыслях, злоупотреблении алкоголем и «эгоцентризме». Один из них (по имени Джон) упоминает, что его мать была иудейкой – слово, которое нечасто можно услышать сегодня. Во многом признается 29-летний привлекательный немец по имени Марсель. Он описывает свои собственные невзгоды. Он рассказывает о том, как, когда он был ребенком, его мать избивала его, голого, на глазах у его сестры, и это – предположительно – могло быть одной из причин того, почему в прошлом его привлекали мужчины. Некоторые из интервьюируемых в фильме росли в семьях, где родители развелись. Некоторые – нет. Неко-

¹⁶ *Good Morning Britain*, ITV, 5 September 2017.

торые из интервьюируемых имели очень теплые отношения со своими матерями. Некоторые – нет.

Доктор Джозеф Николози – одна из звезд фильма – предложил идею о том, что многие его «пациенты» на самом деле ненавидели своих матерей, не знали, как вести себя с мужчинами и в результате развили в себе некие фантазии. Он полагает, что одним из способов побороть гомосексуальные устремления для тех, кого они беспокоят, является здоровый подход, такой, как «поход в спортзал». Из этого, наверное, следует, что доктор Николози никогда не был в спортзале.

Конечно, над этим всем легко посмеяться, а кого-то это способно и взбесить. Однако эти истории реальны. Джон и Линдси говорят, что оба страдали от ВСП (Влечение к Собственному Полу), но оказались в силах перебороть это, и теперь они борются вместе как гетеросексуальная пара с пятью детьми. «Не только мы такие, – говорит Линдси зрителям, – мы знаем еще нескольких людей [кто испытывал ВПС], счастливых в браке. Это – тяжелый труд», – говорит она, в то время как Джон неловко сидит рядом с ней. «Это не для слабохарактерных. И я думаю, вам нужно просто продолжать бороться. Особенно в современную эпоху, когда медиа и культура принуждают нас к тому, чтобы делать нечто иное».

Печальнее, чем эта пара, выглядят другие герои фильма, которые однажды были геями и которых показали с замазанными лицами. Возможно, это было бы слишком великодушно – задуматься о том, что все эти замазанные лица и кадры «с затылка» не так давно применялись в совершенно противоположных случаях.

Ближе к концу фильма ирландский пастор подводит итоги. Он объясняет, что не возражает, чтобы люди считали гомосексуальность врожденной и неизменяемой. Он лишь хотел бы иметь возможность придерживаться своих собственных взглядов на это. В то же время доктор Баскервилль повторяет, что только одна точка зрения по этому поводу считается признанной в сфере образования и в медиа, и эта точка зрения – «продвижение» гомосексуальности. «Сексуальная ориентация политизирована», – говорят нам под конец фильма. И затем, после очередной необъяснимой отсылки к древним евреям, фильм заканчивается драматическим, но осторожным утверждением: «Пришло время принимать различия».

Предсказуемым образом зрители положительно отреагировали на фильм. А затем произошло нечто унижительное. Некоторые из интервьюируемых героев фильма оказались в зале, и их пригласили на сцену, чтобы им поаплодировать. Среди них – молодой британец по имени Майкл. Он кажется дерганым и нервным, полным страдания. Его лоб бороздят морщины, несвойственные человеку его возраста. По многим причинам, которые он уже изложил в фильме, он не хочет прожить жизнь как гей и потому идет по саморазрушительному пути жизни в качестве гетеросексуала, чтобы потом стать (как стал доктор Дэвидсон) «бывшим геем» – возможно, однажды даже завести жену и детей. Вечер заканчивается молитвой.

На пути домой и в последующие дни я размышлял о вечере, проведенном с репаративными терапевтами. В частности, я думал о том, почему они меня не слишком беспокоят.

Во-первых, необходимо отметить, что я не боюсь этих людей и уж точно не могу достичь того уровня злости на них, какую продает теряющая смысл к существованию гей-пресса. Если тому и есть причина, то она заключается в том, что события развиваются не тем образом, как того хотели бы посетители Эммануэль-центра в тот вечер. Сегодня и в обозримом будущем они – проигравшие.

Когда они появляются на телевидении, к ним относятся с пренебрежением – пожалуй, слишком большим. Им не удается создавать внятные документальные фильмы, и им еще сложнее подбирать площадки для их воспроизведения. Их вынуждают таиться в скрытых местах, и в ближайшее время они навряд ли будут атаковать.

Конечно, если бы я был молодым геем, растущим в деревенской среде Америки или Великобритании – даже сегодня – я бы мог думать иначе. Безусловно, если бы я жил в одном из

мест, входящих в американский Библейский пояс, или прошел бы однажды (или был бы запуган тем, чтобы пройти) принудительную репаративную терапию, которая проводилась там – и до сих пор проводится в некоторых частях мира – я мог бы увидеть Майкла (доктора) Дэвидсона и его друзей в совершенно ином свете.

Но здесь в этот вечер они – проигравшие. И зная о волнении, возникающем, когда расстановка сил меняется, я не желаю относиться к ним в случае их победы так, как их коллеги относились бы ко мне, если бы мы встретились раньше и при других обстоятельствах. Поведение, которое люди и социальные движения демонстрируют в зените своей славы, может многое о них рассказать. Позволите ли вы сопернику использовать те же инструменты, которые привели вас к победе? Терпимость и толерантность – это принципы или лишь фиговые листки? Будут ли те, кто подвергался цензуре, цензурировать других, если у них будет такая возможность? Сегодня кинотеатр «Vue» – на одной стороне. Несколько десятков лет назад он мог быть на другой. А «Pink News» и прочие, кто преследовал фильм «Голоса заглушенных» тем февральским вечером, похоже, готовы иметь столь большое влияние на судьбу одного мероприятия. Делая это, они нарушают принцип, принятый активистами за права геев еще в начале борьбы за равноправие, а именно – что никого не касается, чем занимаются взрослые люди добровольно и за закрытыми дверями. Если этот принцип применим к гей-сообществу, то он, безусловно, применим и к христианским фундаменталистам, и к другим группам.

Есть еще два замечания. Первое: для того, чтобы события того вечера стали пугающими, необходимо экстраполировать их. Необходимо заподозрить Дэвидсона в том, что его слова о том, как люди приходят к нему за помощью – лишь прикрытие. Нужно поверить в то, что это – лишь видимая часть более обширного плана по превращению чего-то добровольного во что-то принудительное, а из принудительного для некоторых людей – в принудительное для всех. Сделать это – значит попать один из основных принципов политической толерантности. Это означало бы не только присвоить себе право делать выводы о людях, но и додумывать мотивы, которыми люди руководствуются – они не видны глазу, но вы подозреваете, что они таковы. Что приводит к вопросу, который любой член по-настоящему мультикультурного и плюралистического общества может в какой-то момент задать: «Будем ли вы судить о людях, какие они есть, или будем пытаться считать тайный смысл их слов и поступков, утверждать, что можем заглянуть к ним в головы, а затем проникнем в истинные мотивы их речей и действий, которые пока еще этих мотивов не обнаруживали?»

Если бы мы сделали нечто подобное в похожей ситуации, то как бы мы сделали это? Стали бы мы настаивать на том, что у наших соперников – самые мрачные из всех возможных мотивов, до тех пор, пока не убедимся полностью в том, что они стремятся к противоположному? Или научились бы некоторой доле терпения и доверия? Даже ответы на эти вопросы непостоянны. Они колеблются под влиянием времени, места, обстоятельств и удачи. Некий семидесятилетний человек, которого некогда вынудили пройти репаративную терапию (не говоря уже об аверсивной терапии), будет иметь больше причин для подозрительности, чем любой из представителей более поздних и удачливых поколений. Тревожные сирены завоют раньше, если они были заведены раньше или в более суровые времена.

Возможно, эти поколенческие и географические различия со временем уменьшатся, и сглаживающий эффект социальных медиа сделает всех одинаково оптимистичными. Или, возможно, эффект будет обратным, и гей, живущий в 2019 году в Амстердаме, будет убежден, что его жизнь под угрозой, как если бы он жил в Алабаме 1950-х. Никто не знает. Мы живем в мире, где любой страх, любая угроза и любая надежда, какие только можно представить, всегда доступны.

Тем не менее, одно обязательное условие во избежание постоянной конфронтации – это умение слышать слова людей и доверять им. Действительно, в некоторых пограничных случаях, когда мы встревожены, что может происходить нечто странное, возможно, есть необ-

ходимость в том, чтобы искать скрытые смыслы в словах и убеждаться таким образом, что ничего страшного не происходит. Но если это уже было проделано и ничего жуткого не было обнаружено, значит, этим словам можно верить. Ни одно издание из тех, которые стремились подавить «Голоса заглушенных», не доказало, что Дэвидсон или его коллеги заставляли упирающихся пациентов проходить гетеросексуальную репарационную терапию. Никто не поинтересовался деталями, включенными в фильм, или тем, как проходили «консультации». А потому был сделан ряд предположений и слова получили различные интерпретации из-за того, кто именно их произносил. В этой парадигме «добровольно» означало «принудительно», «консультация» означала «преследование», а каждый, кто приходил к нему, был однозначным, необратимым геем.

Последнее предположение и является единственным вызовом, который несут в себе Дэвидсон и его коллеги. В книге «О свободе», впервые опубликованной в 1859 году, Джон Стюарт Милль изложил четыре причины, почему свобода слова необходима свободному обществу: первая и вторая причины – это то, что противоположное мнение может быть верным или частично верным, и должно быть услышано, чтобы мы могли откорректировать свои ошибочные мнения; третья и четвертая – то, что, даже если противоположное мнение ложно, озвучивание его поможет людям помнить об истине и предотвратит скатывание в невежественную догму, которая, не зная себе противоречий, со временем рискует превратиться в бессмыслицу¹⁷.

Следование принципам Милля на сегодняшний день может показаться затруднительным для многих людей. Даже более трудным, чем просто изменить догму. В последние годы общепринятое мнение по поводу прав геев в Америке, Британии и в большинстве других западных демократий невообразимо изменилось, причем к лучшему. Но оно изменилось так быстро, что стала видна замена одной догмы другой. Смещение от позиции морального порицания к высказыванию порицания любому, чьи взгляды хоть немного выступают за рамки новоприобретенного мышления. Проблема заключается в том, что мы рискуем не только не услышать ошибочные мнения, но и упустить частично верные.

В это же время запутанные, как и их фильм, и сварливые, как, должно быть, и весь их мир, Дэвидсон и его коллеги ступают на территорию природы сексуальной ориентации. Это опасная и токсичная территория. Но бессмысленно, видя такую глубину, не пытаться погрузиться.

Там, где дело касается сексуальной ориентации, был принят ряд предположений, которые оказались не менее догматичными, чем представления, которым они пришли на смену. В июне 2015 года тогдашний министр образования Великобритании Ники Морган объявила, что гомофобные взгляды можно расценивать как экстремизм среди учеников британских школ. Действительно, как сообщил ВВС, Морган сказала, что «атака на главные ценности Великобритании или крайняя нетерпимость по отношению к гомосексуалам может привести к увеличению тревоги». Это – свидетельство того, что ученика могли «обрабатывать экстремисты», и об ученике, который заявил бы, что гомосексуальность – «зло», возможно, нужно было бы сообщить полиции¹⁸. Интересен также факт, что в мае 2013 года Морган голосовала против закона, разрешающего гей-браки в Великобритании. Годом позднее, в 2014 году, она объявила, что теперь поддерживает гей-браки и проголосовала бы за них, если бы они уже не были узаконены. Еще год спустя, в 2015, она заявляла, что взгляды, подобные тем, которые она имела еще два года назад, – не только свидетельство экстремизма, но и кардинальным образом небританская позиция.

В 1990-х Хиллари Клинтон поддерживала предложенный ее мужем «Закон о защите брака», который стремился не допустить узаконивания однополых браков в США. Она видела,

¹⁷ John Stuart Mill, *On Liberty*, Penguin, 2006, pp. 60 – 1.

¹⁸ 'Nicky Morgan says homophobia may be sign of extremism', BBC News, 30 June 2015.

как он защищал политику «Don't Ask, Don't Tell» для геев в американской армии, которая означала, что любой солдат-гей, рассказавший хотя бы одному человеку о своей ориентации, мог быть немедленно исключен из армии. Как писал Роберт Сэмюэлс в «The Washington Post», «У Хиллари Клинтон был шанс вписать права геев в историю. Она отказалась»¹⁹. Однако в 2016 году, когда она участвовала в гонке за президентское кресло во второй раз, и взгляды общества кардинально поменялись, ЛГБТ-сообщество (частью которого стали геи) было одной из особых частей страны, для которых, как заявила Клинтон, она особенно усердно вела кампанию. Политики часто меняют свои взгляды. Но скорость, с которой сменились эпохи, произвела поразительно резкие изменения в положении политического класса.

Другие люди и страны произвели еще более быстрый и привлекающий внимание разворот на 180 градусов. Почти сразу после того, как в Германии были легализованы однополые браки, поддержка их стала обязательным условием для получения гражданства на федеральной земле Баден-Вюртемберг. Вчера догма была одна. Сегодня – другая.

Не только политики столь резко изменили взгляды. Газеты, которые еще недавно негативно отзывались об однополых браках, теперь освещают гей-союзы наряду с любыми другими новостями. Колумнисты, которые ругали идею об уравнивании возраста согласия для гетеросексуальных и гомосексуальных пар, теперь отчитывают тех, кто еще не до конца определился со своей позицией относительно гей-браков. В 2018 году Джой Рейд, ведущая канала MSNBC, была публично пристыжена и вынуждена извиниться после того, как были обнаружены ее твиты десятилетней давности, в которых она осуждала гей-браки – в те времена, когда практически все вокруг их осуждали. Когда изменения происходят так быстро, многое из упущенного приходится наверстывать, и для плетущихся позади жалости не остается.

¹⁹ Robert Samuels, *Washington Post*, 29 August 2016.

Делать все гейским

Таким образом, некоторые люди, правительства и корпорации, похоже, считают, что их обязанность – наверстывать упущенное. Они продвигают обсуждение проблем гомосексуалов в несколько неприемлемой манере из категории «Это пойдет тебе на пользу».

В 2018 году ВВС решило, что новостные сюжеты, посвященные исключительно темам ЛГБТ, должны не просто транслироваться, но и помещаться на первую полосу как особо важные. Один из подобных сюжетов рассказывал о том, что водолаз Том Дэйли ощущал себя неполноценным из-за своей ориентации, но это дало ему стимул добиться успеха²⁰. Эта история была опубликована пять лет спустя после того, как Дэйли объявил, что он гей. В промежутке между этими двумя событиями он не скрывал свою личную жизнь. И тем не менее, этот сюжет оказался на главной странице сайта ВВС среди новостей о землетрясении и цунами в Индонезии, которые повлекли за собой смерти более чем 800 человек. Еще день спустя на главной странице сайта появилась новость о том, что звезда реалити-шоу второго плана, Олли Лок, объявил, что он и его жених Гарет Лок собрались взять двойную фамилию и стать, таким образом, Лок-Локами после свадьбы²¹. Рядом с этой новостью был помещен сюжет о значительном увеличении количества жертв землетрясения в Индонезии.

Возможно, это должен сказать гей, но бывают моменты, когда такие «новости» совсем не ощущаются как новости. Они скорее выглядят как некие сообщения, предназначенные для аудитории или для тех людей, которые расцениваются медиа как обладающие властью. Это уже выходит за рамки того, что «пойдет тебе на пользу», и приближается к «как тебе такое, гомофоб»? В некоторые дни задаешься вопросом о том, что думают гетеросексуалы о той возрастающей настойчивости, с какой гей-сюжеты вламываются во все категории новостей.

Возьмем обыкновенный день в «The New York Times». 16 октября 2016 года читатель международного издания газеты мог бы захотеть прервать чтение авторских колонок и перейти к чему-то более существенному. Он мог бы перейти к страницам, посвященным бизнесу. Там, на первой полосе раздела «Бизнес», он обнаружил бы статью «Гей в Японии – и больше не невидимый». Возможно, среднестатистический читатель раздела «Бизнес» в «The New York Times» вообще никогда особо не задумывался о видимости или невидимости геев в Японии. Это – его возможность узнать что-то новое. В частности, историю Шунсуке Накамуры, который недавно использовал утреннее совещание с коллегами по страховой компании для того, чтобы сообщить, что он гей. И это – в стране, где отношение к гомосексуальности скорее (как, судя по статье, выразился один профессор одного из токийских университетов) «безразличное, нежели нетерпимое». Итак, «The New York Times» решил посвятить этому сюжету две страницы как главному в разделе «Бизнес» – сюжету о том, как мужчина признался в своей гомосексуальности, и это не имело негативных последствий в стране, у которой не было особых проблем с отношением к геям. Должно быть, на бирже тот день был особенно спокойным, если такая история стала для раздела «Бизнес» главной.

Переверните страницу – и история продолжится, на этот раз под заголовком «Компании в Японии становятся более дружелюбными к геям». К этому моменту среднестатистический читатель, должно быть, уже удовлетворил свой интерес к вопросу о положении геев в японских компаниях и начал поглядывать на следующую страницу и раздел «Культура». И какова же первая полоса и главная новость там? «Большее пространство для любви».

О сути статьи нетрудно догадаться по фотографии двух мужчин, артистов балета, с переплетенными руками и телами, занимающей половину страницы. «Балет меняется медленнее,

²⁰ 'Desert Island Discs: Tom Daley felt "inferior" over sexuality', BBC News website, 30 September 2018.

²¹ 'Made in Chelsea's Ollie Locke to become Ollie Locke-Locke', BBC News website, 1 October 2018.

чем другие виды искусства, – заявляет газета и радостно продолжает: – Но за последние две недели „Нью-Йорк Сити балет“, одна из крупнейших в мире трупп, показала два представления, задействовав однополые дуэты».

Причиной этого большого всплеска послужило балетное представление под названием «Времена бегут» («The Times Are Racing») в постановке «Нью-Йорк Сити балет», которое включало исполнение мужчиной роли, первоначально написанной для женщины-балерины. «The New York Times» пишет, что преимущественно гетеросексуальный мир балета наконец «откликнулся современному миру и поместил его на балетную сцену». Мужчина-хореограф, который ставил этот балет, обещал «исследование гендерной нейтральности» в своем посте в Instagram с хэштегами «любовьестлюбобь», «гендернейтральный», «равенство», «разнообразие», «красота», «гордость» и «гордый». Был также один-единственный хореограф-еретик, отстраненный и раскритикованный за свое мнение, что «в традиционном балете есть гендерные роли» и, в то время как «мужчины и женщины равны», у них «разные задачи». «Нью-Йорк Сити балет» и «The New York Times» не были согласны с этим.

Ни для кого не оказалось сюрпризом, что некоторые исполнители главных ролей в «Нью-Йорк Сити балете» – геи, и один из них рассказал «The New York Times», как на одной из первых репетиций его танцевальный партнер повернулся к нему и сказал: «Приятно войти в роль, в рамках которой я чувствую, что теоретически мог бы влюбиться в того, с кем танцую, а не притворяться принцем, влюбленным в принцессу». На что можно было бы ответить, что, если кому-то кажется скучным изображать принца, влюбленного в принцессу, возможно, ему просто не подходит балет. Но в случае, если этого всплеска разнообразия на балетной сцене недостаточно, этот же новостной сюжет может на целых пять дней насытить вас своей степенью морализаторства с помощью новости о том, что постановка «исследует не только однополые отношения, но и вопросы расы». Описывая эффект от зрелища танцующих вместе мужчин, хореограф заявила, что она «прямо обалдела». «Внезапно они просто смогли быть собой», – говорится в заключении. На этом этапе читатель «The New York Times» может перейти к чтению главной новости раздела «Культура»: история о том, что женщины-комики с их шутками о беременности и материнстве наконец завоевывают популярность²².

Нет ничего плохого в том, чтобы обозначенная газета посвятила разделы «Бизнес» и «Культура», а также личные колонки и новостные разделы историям о том, каково быть геем. Но порой кажется, будто здесь происходит что-то еще. Использование сюжетов, посвященных исключительно гомосексуальным отношениям, с иными целями, нежели просто донесение новостей: может, наверстывание упущенного времени, а может, просто стремление ткнуть этим в лицо тем, кто не поспевает за стремительно изменяющимися устоями. В любом случае, в воздухе витает нечто странное и отдающее карательными настроениями.

Конечно, люди меняются, учатся и часто меняют свое мнение. Многие делают это тихо, часто – уже вслед за большинством. Но одна проблема со столь резкой переменой мнений заключается в том, что многие неисследованные, даже неразорвавшиеся, проблемы и вопросы остаются позади. Когда Пирс Морган потребовал от своего гостя ответа на вопрос «Как вы можете думать, что геями не рождаются?», ответ заключался в том, что многие люди по-прежнему так думают, и это может быть правдой или частично правдой. Никто пока не знает наверняка. И вне зависимости от того, рождаются ли геями, и того, все ли геи родились таковыми, из этого вовсе не следует, что гомосексуальность – это точка невозврата.

²² *The New York Times* (International Edition), 16 October 2017, pp. 15 – 17.

Путь в один конец?

Эта идея – любопытное заключение, к которому пришла наша культура. В целом в обществе принято считать, что когда люди объявляют себя геями, они приходят к своему естественному состоянию. Для большинства людей это честное признание их обществом и принятие себя: они достигли естественного и правильного для себя состояния. Но странность здесь состоит в том, что каждый из тех, кто являлся геем, а затем стал называть себя гетеросексуалом, становится не только объектом остракизма и подозрительного отношения, но и распространенного сомнения в том, что он или она по-настоящему честны с собой. С гетеросексуалом, ставшим геем, проблем нет. Но на гея, ставшего гетеросексуалом, ложится бесконечное подозрение. Из преимущественно склонной к гетеросексуальности культура стала больше склоняться к гомосексуальности.

После написания сценария к ставшему знаковым телесериалу «Близкие друзья» («Queer as Folk») в конце 1990-х сценарист Рассел Т. Дэвис работал над телесериалом «Боб и Роуз» («Bob and Rose») в 2001 году. В нем рассказывалось о гее, влюбившемся в женщину. Это было вызвано, как рассказывал прессе Дэвис, осознанием того, что геи, становившиеся гетеросексуалами, вызывали большее негодование у своих друзей, чем гетеросексуалы, которые становились геями²³.

Возможно, это и есть причина, по которой этой проблеме уделяется так мало внимания. Для многих геев и лесбиянок идея о том, что сексуальная ориентация пластична, и что то, что направлено в одну сторону, может развернуться в другую – это атака лично на них. И у их беспокойства есть основания. Многие геи слышат в этом предположении отголоски страшных слов «Это всего лишь такой период». Геи считают такое предположение чрезвычайно оскорбительным и разрушительным для их отношений с родителями, родственниками и другими людьми. И поскольку фраза «Это всего лишь период» является оскорбительной для некоторых, сама идея о том, что это может быть и правдой, не должна произноситься вслух.

Со своей стороны, миллениалы и поколение Z сделали попытку совладать с этой проблемой, сделав упор на флюидности сексуальной ориентации. Опросы показывают, что эти люди, сейчас находящиеся в позднем подростковом возрасте, отстраняются от идеи, что в сексуальной ориентации есть однозначные варианты, а исследование 2018 года показало, что только две трети представителей поколения Z называют себя «исключительно гетеросексуалами»²⁴. И хотя они все еще составляют большинство, заметен значительный сдвиг в настроениях относительно предыдущих поколений.

Для поколений, предшествующих поколению миллениалов, вопрос о флюидности сексуальной ориентации – сложный и даже болезненный. Для многих из них люди, которые присоединяются к клубу, а затем покидают его, с большей вероятностью будут осуждаться, чем те, кто никогда в клуб не вступал. Их могут не включать в опросы, у них нет национальных представителей или «лидеров», но многие геи знают подобные случаи. Друзья, которые так и не нашли себе места в мире геев, которым не понравилось сообщество, которые не обрели партнера. Люди, которые попробовали погрузиться, но выпрыгнули. Или те, кто стремился в жизни к чему-то другому. Например, те, кто хотел завести детей или оказаться в стабильном браке, кто прекратил или отодвинул жизнь в качестве гея ради того, чтобы быть кем-то другим. Или (и никто не знает, какое число людей входит в эту категорию) те, кто практически всю жизнь вступал в отношения с людьми своего пола, внезапно – как главный герой сериала «Боб и Роуз» – встретил человека противоположного пола и влюбился в него.

²³ See for instance Russell T. Davies, 'A Rose by any other name', *The Observer*, 2 September 2001.

²⁴ See 'Generation Z – beyond binary: new insights into the next generation', Ipsos Mori, 6 July 2018.

Уменьшится ли количество случаев такого поведения теперь, когда существует институт партнерства, однополые браки, не говоря уже об усыновлении детей геями и их воспитании однополыми родителями? Станут ли люди все больше принимать более свободные сексуальные идентичности, свойственные поколению Z? Возможно. А возможно, нет. Потому что каждому знакомы люди, которым это не подходит. Те, у кого был случайный поцелуй – или несколько – с человеком того же пола, но кто продолжил быть гетеросексуалом после этого. И все же культура, которая еще в недавнем прошлом воспринимала гомосексуальный поцелуй как аномалию – отклонение от нормы – сейчас стала культурой, в которой гомосексуальный поцелуй стал моментом разоблачительной истины.

Сегодня человек, который однажды в прошлом делал нечто гомосексуальное, считается живущим во лжи. Потому что каким-то образом восприятие этого развилось во мнение, что один раз побыть геем – значит войти в свое естественное, истинное состояние, в то время как вернуться к гетеросексуальности – нет. Это отличается от того, чтобы назвать себя бисексуалом. Это – предположение, что чаши весов сексуальной ориентации нагружены неравномерно и фактически склоняются к гомосексуальности. И что если в предыдущие эпохи весы склонялись в пользу гетеросексуалов, то в нынешнюю эру они склоняются в противоположную сторону. Возможно, с целью исправить предшествующие ошибки (в надежде, что в какой-то момент весы достигнут равновесия). Но что люди будут делать, когда весы достигнут правильного положения, невозможно предсказать. Поскольку, как и с любыми другими вещами, мы разбираемся с этим на ходу.

На сегодняшний день представители поколений, предшествующих поколению миллениалов, сохраняют свою убежденность в том, что у сексуальной ориентации есть строгие границы. Возможно, не в последнюю очередь потому, что понимание того, как определяют себя другие люди, вносит ясность в текущие и возможные отношения с партнерами. Но тот факт, что одна строгая идентичность может смениться другой, а затем – и флюидностью, говорит о том, что произошло нечто большее, чем скачок от одной догмы к другой. Это говорит о глубокой неуверенности насчет одного основополагающего и редко упоминаемого факта, а именно – что мы по-прежнему не имеем понятия о том, почему некоторые люди – геи. Спустя десятилетия исследований этого важного и несущего в себе потенциальную опасность вопроса об идентичности, находящейся среди ключевых тем современности, ответа все еще нет.

Чувствительность, вызываемая такими вопросами, понятна. В конце концов, только в 1973 году Американская ассоциация психиатров решила, что для того, чтобы продолжать считать гомосексуальные наклонности расстройством, не хватает научных данных. В тот год гомосексуальность была вычеркнута из списка психических расстройств, который вела Американская ассоциация психиатров (редкий случай, когда из этого вечнорастущего тома что-либо удаляется). Всемирная организация здравоохранения сделала то же самое в 1992 году. Все это было не так давно, и в этом заключается веская причина, почему в дискуссии о гомосексуальности сохраняется подозрительность по отношению к медицинскому языку, медицинским практикам и психиатрии.

Однако из того, что гомосексуальность не является психическим расстройством, не следует, что она – полностью встроенное и неизменное состояние. В 2014 году Королевский колледж психиатров в Лондоне выпустил увлекательное «заявление о сексуальной ориентации». Они были похвально непреклонны в своем осуждении всего, что могло бы стигматизировать тех, кто называет себя геями. А также объяснили, что в любом случае ККП не верит, что терапия, направленная на изменение сексуальных предпочтений пациента, работает – хоть в ту, хоть в другую сторону. ККП был одинаково бессилён и в том, чтобы сделать гея гетеросексуалом, и в том, чтобы сделать гетеросексуала геем. И все же они делают довольно важное заявление, а именно – что «Королевский колледж психиатров считает, что сексуальная ориентация

ция определяется комбинацией биологических и постнатальных культурных факторов»²⁵. Они цитируют ряд источников, обосновывающих это заявление, а затем продолжают: «Нет никаких данных, выходящих за рамки этого и вменяющих какому-либо выбору возможность определять сексуальную ориентацию»²⁶.

Но, тревожась из-за мнимых сеансов «репарационной терапии», создающих среду, в которой «расцветают предубеждение и дискриминация», как «полностью неэтичных» и стремящихся излечить что-то, что «не является расстройством», ККП заявляет следующее:

«Не совсем верно, что сексуальная ориентация является неизменной или не может варьироваться в течение жизни. Тем не менее, для многих людей сексуальная ориентация тяготеет к тому, чтобы быть преимущественно гетеросексуальной или гомосексуальной. У бисексуальных людей в этом смысле есть некоторая степень выбора, в рамках которого они могут сосредоточиться на своей гетеросексуальной или гомосексуальной стороне.

Также это касается людей, недовольных своей сексуальной ориентацией – будь то гетеросексуальная, гомосексуальная или бисексуальная – похоже, есть некое поле для исследования терапевтических возможностей для оказания им помощи в том, чтобы жить с ней в гармонии, уменьшить количество переживаний и достичь большей степени принятия своей сексуальной ориентации»²⁷.

Американская ассоциация психологов согласна с этим утверждением. Ее новейший совет по этому поводу звучит так:

«Среди ученых нет консенсуса в вопросе о том, по каким конкретно причинам человек развивает гетеросексуальную, бисексуальную или гомосексуальную ориентацию. Несмотря на то, что были проведены многие исследования, посвященные изучению возможных генетических, гормональных, связанных с развитием, социальных и культурных причин влияний на сексуальную ориентацию, не было обнаружено ничего, что позволило бы ученым прийти к выводу, что ориентацию определяет один конкретный или несколько факторов. Видимо, социогенетизм и биогенетизм оба играют важную роль; многие люди почти или вовсе не ощущают возможность выбора своей сексуальной ориентации»²⁸.

Все это достойно восхищения с точки зрения того, чтобы сократить количество дискриминации или извилистых и безуспешных попыток «огетеросексуальить» геев. Однако это лишь подчеркивает тот факт, что вопрос о том, что именно делает геев геями, остается без ответа. Закон может быть изменен. Но сейчас мы обладаем ненамного большим количеством сведений о том, почему и действительно ли человек является и выбирает стать гомосексуалом.

Однако были и полезные открытия. В 1940-х годах сексолог Альфред Кинси провел то, что на тот момент было самой изощренной и обширной полевой работой в области сексуальных исследований. Несмотря на некоторые уязвимости в методологии, результаты его работы в течение многих лет признавались довольно точными. В научных работах, которые и были продуктом его исследования («Сексуальное поведение человека мужского пола», 1948, и «Сексуальное поведение человека женского пола», 1953), Кинси и его коллеги объявили, что обнаружили, что как минимум 13 % мужчин были «преимущественно гомосексуальны» в течение как

²⁵ These are: B. S. Mustanski, M. G. Dupree, C. M. Nievergelt et al., 'A genome-wide scan of male sexual orientation', *Human Genetics*, 116 (2005), pp. 272 – 8; R. Blanchard, J. M. Cantor, A. F. Bogaert et al., 'Interaction of fraternal birth order and handedness in the development of male homosexuality', *Hormones and Behavior*, 49 (2006), pp. 405 – 14; J. M. Bailey, M. P. Dunne and N. G. Martin, 'Genetic and environmental influences on sexual orientation and its correlates in an Australian twin sample', *Journal of Personality and Social Psychology*, 78 (2000), pp. 524 – 36.

²⁶ Royal College of Psychiatrists' statement on sexual orientation, Position Statement PS02/2014, April 2014 (https://www.rcpsych.ac.uk/pdf/PS02_2014.pdf).

²⁷ Royal College of Psychiatrists' statement on sexual orientation, Position Statement PS02/2014, April 2014 (https://www.rcpsych.ac.uk/pdf/PS02_2014.pdf).

²⁸ Website of the American Psychological Association, 'Sexual Orientation & Homosexuality' (<http://www.apa.org/topics/lgbt/orientation.aspx>) accessed August 2018.

минимум трехлетнего периода в возрасте от 16 до 55 лет и что примерно у 20 % женщин был некий опыт с человеком своего пола. Знаменитая «шкала сексуального опыта», изобретенная Кинси, стала основой для сенсационного открытия – около 10 % людей в мире гомосексуальны. В последующие после работы Кинси годы эта цифра – как и многое другое, связанное с темой гомосексуальности – была предметом споров. Религиозные группы поощряли любые исследования, которые показывали, что эта цифра на самом деле ниже. К примеру, они уцепились за проведенный в 1991 году «Американский национальный опрос мужчин», который утверждал, что только 1,1 % мужчин «исключительно гомосексуален», и в Национальную статистическую службу Великобритании, которая назвала такую же цифру двадцать лет спустя. В 1993 году опрос, основанный на личных интервью и проведенный американским институтом Гутмакера, назвал сенсационную цифру: лишь 1 % человеческой популяции гомосексуален. Эта цифра – на тот момент самая маленькая – и стала взята на вооружение этими же религиозными группами. Председатель Коалиции традиционных ценностей радостно объявил, что «правда наконец выплыла наружу». А один радиоведущий с правыми взглядами сказал: «Наконец наша правота получила подтверждение»²⁹.

Но в то время как есть люди, которые будут счастливы увидеть преуменьшенную статистику по количеству геев, найдутся также и те, кто будет рад увидеть преувеличенную. Группа активистов за права гомосексуалов «Stonewall» считает разумной оценку в 5-7%, но это даже меньше, чем называл Кинси. Новые технологии позволяют прийти к некоему заключению по этому вопросу или по меньшей мере прояснить ситуацию. У них есть свои проблемы в методологии, как, например, в случае с «опросами домохозяйств» Национальной статистической службы Великобритании (которая упускала из виду скрытых геев). Но, поскольку очень немногие люди систематически врут своим поисковым системам, информация, почерпнутая из анализа подобных данных, может быть принята в расчет. Бывший аналитик данных в «Google Set» Стивенс-Давидовиц выявил, что около 2,5 % пользователей Facebook мужского пола выразили интерес к представителям своего пола.

В исследованиях, связанных с изучением интернет-порнографии, Стивенс-Давидовиц приблизился к тому, чтобы включить в выборку и тех, кто не готов говорить вслух о своей сексуальной ориентации. В этих цифрах поразительно то, что они примерно одинаковы во всех штатах США. К примеру, в то время как гомосексуальных пользователей Facebook в штате Род-Айленд вдвое больше, нежели в Миссисипи (что может частично объясняться миграцией гомосексуального населения), количество интернет-запросов, связанных с порнографией, в обоих местах примерно совпадает. И в то время как в Миссисипи примерно 4,8 % от интернет-запросов, связанных с порнографией, направлены на поиск гей-порно, в Род-Айленде их количество составляет 5,2 %. Со всеми необходимыми оговорками (например, включающими людей, которые смотрели гей-порно просто из любопытства) Стивенс-Давидовиц пришел к выводу, что численность геев в США составляет около 5 %³⁰.

Как и многие другие результаты статистики, эта цифра используется в «игре» двух противоборствующих команд. В 2017 году Национальная статистическая служба Великобритании заявила, что число геев, лесбиянок, бисексуалов и трансгендеров в Великобритании впервые достигло одного миллиона. Британское издание «Pink News» назвало это число «эпохальным для ЛГБТ-сообщества», добавив также, что это число «большое, но недостаточное»³¹. Что наталкивает на вопрос о том, насколько большим они хотели бы его видеть.

²⁹ Bruce Bawer, *A Place at the Table: The Gay Individual in American Society*, Touchstone, 1994, p. 82.

³⁰ Seth Stephens-Davidowitz, *Everybody Lies: What the Internet Can Tell Us About Who We Really Are*, Bloomsbury, 2017, pp. 112 – 16.

³¹ This is why straight men watch porn', *Pink News*, 19 March 2018.

Несмотря на все это, в последние десятилетия люди развили свои собственные взгляды на этот вопрос. И взгляды эти кардинально изменились. В 1977 году чуть более 10 % американцев считали, что геями рождаются. Но в 2015 году в этом была уверена почти половина жителей США. В течение того же периода число американцев, считавших, что гомосексуальность – «результат воспитания и окружающей среды», сократилось вдвое по сравнению с 60 % в 1977-м. Не является совпадением и то, что моральные настроения американцев относительно гомосексуальности невероятно изменились в течение того же периода. Опросы, проведенные институтом Гэллапа в промежутке с 2001 до 2015-го, показали, что в 2001 году 40 % американцев считали гомосексуальные отношения «морально приемлемыми», а в 2015 году так думали уже 63 %. Количество тех, кто считал такие отношения «неправильными», в течение того же периода сократилось с 53 % до 34 %³². Опрос показал, что единственным фактором, повлиявшим на перемену настроения, стало то, что многие опрошенные лично были знакомы с каким-то геем – то мог быть член семьи, друг или коллега по работе. Этот фактор имел значительные последствия для других движений за гражданские права. Вторым очевидным фактором было повышение видимости геев в публичной сфере.

Однако моральным фактором, который переменял общественные настроения, был переход от идеи, что гомосексуальность является приобретенным свойством, к идее, что она врожденная. Осознание того, что этот факт применим к геям, сыграл значительную роль для движений за права других групп. Здесь мы можем увидеть один из основополагающих для современной морали тезисов: осознание того, что нельзя наказывать, унижать и смотреть свысока на людей за те их характеристики, над которыми они не властны. Эта идея может показаться очевидной, однако в течение многих лет человеческой истории неизменные черты людей зачастую играли против них самих.

³² 'Majority in U. S. Now Say Gays and Lesbians Born, Not Made', *Gallup*, 20 May 2015.

Природа vs. воспитание и необходимость того, чтобы «быть рожденным таким»

Как бы там ни было, современный мир начал укрепляться в системе ценностей, родившейся из спора «природа или воспитание?».

Природа – или «встроенные» свойства – это что-то, что люди не могут в себе изменить и, следовательно, что-то, за что их нельзя осуждать. Воспитание – или «приобретенные» свойства – с другой стороны, может осуждаться и требовать осуждения, включая моральное. Неизбежным образом такая система мышления будет подталкивать возможно «приобретенное» в категорию «встроенного», не в последнюю очередь для того, чтобы вызвать сочувствие к людям, проблемы которых на самом деле могут иметь «приобретенное» происхождение.

К примеру, если человек является алкоголиком или имеет наркотическую зависимость, люди будут склонны считать, что в этом – его неудача, и для ее преодоления нужно научиться владеть собой. Эта неудача – результат его собственной слабости, неумения расставлять приоритеты и в целом моральной распушенности. С другой стороны, если человек не может исправить свое поведение, то его нужно не винить, а рассматривать как жертву обстоятельств, которой он и является. Беспробудный пьяница может быть головной болью для всех окружающих, однако, если утверждается, что он родился со склонностью к алкоголизму – или даже имеет некий «ген алкоголика» – его можно увидеть в ином свете. Вместо критики он получит всякого рода сочувствие. Если бы алкоголизм был приобретенным свойством, этого человека воспринимали бы как слабого или даже плохого. В целом мы, современные люди, с большим сочувствием относимся к поведению, которое не может поддаваться изменению, но мы все еще довольно критичны или находим сомнительным стиль жизни, который считаем свободным выбором человека – особенно если это поведение причиняет неудобства окружающим. Гомосексуальность могла бы восприниматься как неудобство для общества с репродуктивной точки зрения, и поэтому вопрос о том, что она из себя представляет, является вполне обоснованным.

Единственный фактор, повлиявший на изменение мнения западного общества о гомосексуальности – это решение, что гомосексуальность является «врожденным», а не «приобретенным» свойством. Некоторые – главным образом консервативные, религиозные люди – продолжают отстаивать противоположную точку зрения по этому вопросу. Например, некоторые из них все еще описывают гомосексуальность как «выбор» – намекая таким образом, что гомосексуалы сами выбрали то, какими их «запрограммировали».

В некоторых странах те времена, в которые такая точка зрения являлась преобладающей, приходились на периоды действия репрессивных законов против гомосексуальной активности. В них существует понятное стремление отвергать гомосексуальность как выбор и поощрять признание гомосексуальности как «врожденное» свойство. Как сказала бы Леди Гага, эти люди «были рождены такими».

Фактически гомосексуальность считалась морально приемлемой в течение слишком короткого промежутка времени и в слишком маленьком числе стран для того, чтобы делать о ней далеко идущие выводы, не говоря уже о том, чтобы выстроить вокруг нее моральную теорию. Несомненно, вопрос о врожденности гомосексуальности или о гомосексуальности как о свободном выборе – «встроенность» или «приобретенность» – имеет глубокое влияние на сочувствие, которое люди готовы выразить по этому поводу. Если люди «выбирают» быть гомосексуалами – или если это вид поведения, которому они научились – тогда, должно быть, есть какой-то способ разучиться быть таковыми или даже преподнести это в таком свете, что никто бы не захотел становиться таковым по своей воле.

Идея о том, что гомосексуальность является не предметом свободного выбора, а вместо этого люди «были рождены такими», в последнее время получает много ненаучной стимуля-

ции. Присутствие в жизни каждого из нас все большего количества открытых геев означает, что утаивание своей ориентации становится все менее популярным. В то же время истории знаменитых геев – в частности страх, травля и дискриминация, которые им довелось испытать – однозначно убедили многих людей в том, что никто по своей воле не выбрал бы это. Какой ребенок захотел бы подвергаться нападкам сверстников за то, что он гей? Какой взрослый человек захотел бы усложнить таким образом свою и без того сложную жизнь?

Похоже, дух времени укрепился в понятии «были рождены такими» – пусть и избегая признания того факта, что наука пока не готова подтвердить теорию Леди Гаги.

В области эпигенетики была проведена восхитительная работа по поиску генов, которые могли быть связаны с пробуждением в человеке гомосексуальности. Последняя работа была сосредоточена на метильных группах, добавленных к молекулам генов. В 2015 году ученые из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе объявили, что обнаружили форму модификации ДНК, части генома которой различались у гомосексуального и гетеросексуального из двух братьев. Но это исследование было небольшим и в результате было оспорено, несмотря на все надежды и громкие заголовки, которые оно породило. Был также проведен ряд похожих исследований, и все они были безрезультатными.

Пока что «гомосексуальный ген» остается неуловимым. Это не означает, что однажды он не будет найден. О многом говорят распри, которые идут вокруг него. В целом христиане-фундаменталисты и многие другие хотели бы, чтобы «гомосексуальный ген» не был бы найден, поскольку обнаружение его могло бы серьезно пошатнуть их картину мира («Бог делает людей геями?») и повлияло бы на их позицию в этом вопросе. Люди гомосексуальной ориентации, с другой стороны, конечно, заинтересованы в том, чтобы этот ген был обнаружен, поскольку это могло бы навсегда оградить их от любых намеков на то, что их гомосексуальность – приобретенное поведение. Поэтому работа продолжается – главным образом сфокусированная на парах близнецов, ориентация которых, что любопытно, идентична, если идентичны сами близнецы.

Возможно, стоит уделить больше внимания вопросу о том, что произойдет, если все окажется так, как того хотят ярые поборники идеи о «гене гомосексуальности». Не все предзнаменования – добрые. Несколько лет назад исследователь в области нейронауки Чак Роселли из Орегонского университета науки и здоровья провел исследование над самцами овец, которые предпочитали спариваться с такими же самцами, а не с самками. Когда об его исследовании стало известно широкой аудитории (вследствие того, что благотворительные организации, защищающие права животных, в своих целях привлекали внимание к этому вопросу и подначивали гей-активистов), было объявлено, что исследование было направлено на евгенические попытки искоренить гомосексуальность среди людей. Десятки тысяч электронных писем и жалоб, требующих увольнения Роселли, переполняли почтовый ящик его работодателя, а известные геи и лесбиянки, включая известную теннисистку Мартину Навратилкову, критиковали его через медиа. Не ожидалось, что исследование овец приведет к такому результату³³. Однако если люди реагировали таким образом на исследование гомосексуальности овец, что же будет, когда обнаружат ген гомосексуальности у людей? И если такой ген будет обнаружен, будет ли родителям позволено редактировать ДНК своих детей? Какие будут обоснования для того, чтобы запретить им это?

Накал страстей, окружающий каждый аспект генетических исследований в этой области, является причиной, почему другие аспекты гомосексуальности были так мало изучены. К примеру, практически не было исследовано то, какую роль играет гомосексуальность в ходе эволюции, если вообще играет. В 1995-1996 годах американское и британское академические

³³ See the discussion of this episode in Alice Dreger, *Galileo's Middle Finger: Heretics, Activists, and One Scholar's Search for Justice*, Penguin, 2016, pp. 182 – 3.

сообщества вступили в дискуссию по этому поводу³⁴. Гордон Г. Гэллап из Университета штата Нью-Йорк в Олбани и Джон Арчер из Университета Центрального Ланкашира опубликовали свой обмен мнениями в академическом издании. Он был посвящен обсуждению того, является ли негативное отношение к гомосексуальности частью процесса естественного отбора или же предубеждением, распространяемым в культуре. Этот увлекательный спор выстраивался вокруг утверждения Гэллапа о том, что «в самом примитивном виде родители, которые выказывали озабоченность сексуальной ориентацией своего ребенка, могли оставить после себя больше потомков, чем те, которые демонстрировали безразличие». Также Гэллап утверждает, что то, что известно нам как гомофобия, могло быть следствием родительской обеспокоенности тем, что раскрывшаяся сексуальная ориентация их ребенка могла быть усвоена под чьим-то влиянием. Двумя примерами этого заявления может послужить, например, тот факт, что гомосексуалы, задействованные в работе, подразумевающей близкий контакт с детьми, вызывают беспокойство, а также то, что родители повзрослевших детей уже не так тревожатся о том, будут ли те проводить много времени среди гомосексуальных людей.

Все, ничего или часть этого может оказаться правдой. Данные, на которых Гэллап основывал свои утверждения, были собраны несколько десятков лет назад, когда отношение к гомосексуальности было – как мы уже видели – совсем не таким, какое оно сегодня. Что интересно, исследования о том, какую эволюционную роль гомосексуальность играла или не играла, в чем могла состоять ее эволюционная задача и чем, с точки зрения эволюции, объяснялась подозрительность большинства к гомосексуалам, испарились из соответствующих областей исследований в биологии. В частных беседах некоторые биологи готовы согласиться, что это – неудача их науки. Однако воды, окружающие эту тему для исследования, на сегодняшний день столь глубоки и столь опасны, что академики, рассчитывающие сохранить работу в университете, предпочитают не связываться с ней. Если мы уже решили для себя, какие ответы мы не хотим получить – и с какими не можем смириться – то, кроме разве что любви к истине, смысла задавать вопросы нет.

³⁴ 'Attitudes towards homosexuals and evolutionary theory', in *Ethology and Sociobiology*. There is a useful summary of the Gallup – Archer exchange by Jesse Bering in *Scientific American*, 9 March 2011.

Философское замешательство

Если ученые не способны или не хотят отвечать на вопрос о происхождении гомосексуальности, то ответ стоит поискать где-то еще. Как правило, в таких случаях можно обратиться к философии. Но ничего нового касательно этой темы в философии не обнаруживалось уже много лет. Если точнее, то уже даже пару тысяч лет.

Аристотель лишь вскользь упоминает гомосексуальность в своей «Никомаховой этике». Он включает гомосексуальность в список, который мало кому понравился бы сегодня. В своем описании «нездоровых» и «патологических» состояний в 7-й книге «Никомаховой этики» он говорит о таких обычных ситуациях, когда одна женщина вскрывает беременный живот другой женщины и пожирает ребенка, или когда человек приносит в жертву и поедает свою мать, или когда раб поедает печень другого раба. Такое поведение Аристотель считает следствием «болезни», включающей «безумие». Но другие состояния происходят из «привычки» – например, выдирать волосы, грызть ногти и предаваться гомосексуальным связям. Или содомии. Возможно, педерастии. Есть некоторые разногласия по поводу того, что именно Аристотель имел в виду (сбивают с толку его противоречивые взгляды на природу однополых отношений). Но если мы возьмем за основу воззрения Аристотеля на гомосексуальность, то поразительным будет то, что его позиция в III веке до нашей эры аналогична позиции Американской ассоциации психологов и Королевского колледжа психиатров в XXI веке. Он считал, что гомосексуальность – свойство, которое является врожденным у одних людей, а у других – следствием «условий жизни». Единственная разница состоит в том, что достоверный источник в XXI веке вряд ли приведет в качестве примера то, что Аристотель назвал «условиями жизни». Он приводит пример: «Как у тех, кто с детства подвергался насилию»³⁵.

Более современные философы так же, как и Аристотель, не смогли подобраться к корню проблемы. На сегодняшний день Мишель Фуко является одним из самых цитируемых западных философов³⁶. Даже с учетом той репутации достоверности и неприкосновенности, которую он приобрел, в одной из наиболее известных и влиятельных своих работ – «История сексуальности» (1976) – его взгляды на гомосексуальность довольно запутанные. Фуко подчеркивает, что говорить о гомосексуалах так, будто они являются какой-то особой группой, с точки зрения истории неверно. Те люди, которых обвиняли в гомосексуальных действиях в прошлом, не являлись некой обособленной категорией людей – такой, какой их начали видеть в XIX веке. Как пишет Фуко, говоря об изменении, произошедшем в XIX веке, «содомит считался временным отклонением; гомосексуал стал отдельным видом»³⁷.

Не считая того, что Фуко выпала возможность распространить и дальше свои взгляды на власть и секс, его мнения о гомосексуальности весьма спорны. Временами кажется, что он считал ее роль центральной для идентичности человека. В других фрагментах (даже в рамках той же работы) он видел ее незначительной. Те, кто пришел ему на смену, кто цитировал его и стал его последователем, использовали гомосексуальность – как и все остальное – в качестве возможности создать групповую идентичность в противовес гетеросексуальной норме. Последователь Фуко в Массачусетском технологическом институте, Дэвид Халперин, произнес однажды знаменитую фразу: «Не бывает неидеологического оргазма»³⁸. Эта цитата, помимо

³⁵ Aristotle, *Nicomachean Ethics*, Book 7, chs 5 – 6. Incidentally among recent translations, the Cambridge University Press edition (2014) goes with 'sodomy' while the Oxford University Press edition (2009) goes with 'paederasty'.

³⁶ See for instance 'What are the most cited publications in the social sciences (according to Google Scholar)?', Elliott Green, LSE blogs, 12 May 2016.

³⁷ Michael Foucault, *The History of Sexuality, Volume 1 – The Will to Knowledge*, trans. Robert Hurley, Penguin, 1998, p. 43.

³⁸ David Halperin, 'Historicising the sexual body: sexual preferences and erotic identities in the pseudo-Lucianic *Erotes*', in Domna C. Stanton (ed.), *Discourses of Sexuality: From Aristotle to AIDS*, University of Michigan Press, 1992, p. 261. // See also Andrew

того, что предполагает уныние в постели, также указывает на то, что люди, которые смотрят на гомосексуальность через такую призму, делают шаткие построения на зыбкой почве.

Одна из немногих вещей в работе Фуко, которая кажется очевидной – это то, что он, похоже, сам понимал, что сексуальная идентичность не является хорошей основой для построения формальной идентичности. Действительно, ближе к концу последнего тома «Истории сексуальности» он дивится тому, как что-то, что веками считалось разновидностью какого-то «безумия», должно было стать центральным элементом нашей «ясности», и что наша «идентичность» должна теперь стать источником того, что раньше «воспринималось как непонятное и безымянное побуждение». Секс стал, как он утверждает, «более значимым, чем наша душа, почти более значимым, чем наша жизнь». Сделка Фауста, «искушение которого было привито нам», заключается в том (как он утверждает), чтобы «обменять жизнь во всей ее полноте на секс как таковой, на правдивость и суверенность секса. Секс стоит того, чтобы за него умереть»³⁹. Несмотря на то, что его последователи, похоже, считали иначе – и несмотря на то, что Фуко не слишком глубоко погрузился в эту тему – кажется, будто и он заметил, какое непрочное основание для построения идентичности представляет собой секс и даже сексуальная ориентация.

Sullivan, *Virtually Normal: An Argument about Homosexuality*, Picador, 1996.

³⁹ Foucault, *The History of Sexuality*, p. 156.

Геи vs. квиры

Несмотря на все это, сегодня гомосексуальность является одним из основных элементов для построения идентичности, политики и «политики идентичности». ЛГБТ теперь является одной из групп, о которой привычно говорят и к которой обращаются мейнстримные политики – как если бы те действительно представляли собой некое расовое или религиозное сообщество. Это – форма абсурда. Даже на своих собственных условиях эта композиция крайне неустойчива и противоречива. У геев и лесбиянок нет практически ничего общего. Прозвучит довольно примитивно, но геи и лесбиянки не всегда состоят в теплых отношениях друг с другом. Геи часто характеризуют лесбиянок как не обладающих вкусом и занудных. Лесбиянки часто называют геев глупыми и инфантильными. Эти группы не представляют интереса одна для другой и нечасто пересекаются в местах проведения досуга. Есть места, где геи подыскивают себе партнеров, есть места, где лесбиянки подыскивают себе партнерш, но в течение десятков лет с момента обретения гомосексуалами прав практически не было мест, где геи и лесбиянки собирались бы на постоянной основе.

Геи и лесбиянки в то же время известны большой долей подозрения к тем, кто называет себя бисексуалами. Представители категории «Б» в аббревиатуре «ЛГБТ» – источник периодических всплесков тревоги в гей-медиа. Но бисексуалы продолжают восприниматься не столько как часть того же «сообщества», сколько как предатели в его рядах. Геи склонны верить, что мужчины, называющие себя «би», на самом деле – геи, отрицающие свою природу («Сейчас – би, потом – гей»). И в то время как женщина, которая время от времени спит с женщинами, вызывает повышенное внимание у гетеросексуальных мужчин, немногие женщины положительно относятся к партнерам-мужчинам, которые спят с другими мужчинами. Вопрос о том, какое отношение все эти люди – геи, лесбиянки и бисексуалы – имеют к людям, которые пытаются изменить пол, мы зададим в следующей главе.

Имеет смысл держать в уме все эти внутренние трения и противоречия, когда речь заходит об ЛГБТ-сообществе и когда кто-то пытается использовать его в своих политических целях. Даже за каждой буквой этой аббревиатуры стоит еле существующее сообщество. И у каждого сообщества нет практически ничего общего с другим. До декриминализации гомосексуальности в 1960-х ситуация, возможно, была немного другой. Но сегодня «Л» не нуждается в «Г», «Г» наплевать на «Л», а оба «Л» и «Г» могут объединиться в своей подозрительности к «Б». И ведутся большие споры о том, является ли категория «Т» такой же, как другие, или скорее представляет собой оскорбление для них. Никто не знает, откуда все это происходит. Однако это остается средством, с помощью которого люди готовы идентифицировать большие группы населения и строить одно из определяющих обоснований для либерального общества.

Неудивительно и то, что объединение людей со столь разнящимися взглядами и происхождениями может иметь серьезные трения внутри каждого из движений. От истоков гей-активизма до сегодняшнего дня всевозможные причины для раздора все еще существуют. Все сводится к вопросу, который так и не получил ответа, а именно – являются ли геи точно такими же, как все другие люди, за исключением одной-единственной характеристики? Или делает ли эта характеристика совершенно непохожими на все остальное общество? Есть два противоположных взгляда на этот вопрос.

Одного взгляда придерживаются те, кто считает, что геи являются – и должны быть – как все. Они завоюют любые и все недостающие им права, продемонстрировав, что ничто не отличает их от их гетеросексуальных друзей и соседей. Как и гетеросексуалы, геи могут жить в домах с красивым белым заборчиком, могут жениться, состоять в моногамных отношениях и в конце концов обзаводиться детьми и растить их. По сути, они могут быть добропорядочными. Это как минимум один из вариантов, изложенный в таких работах, как книга Хантера Мэдсена

и Маршала Кирка «После бала. Как Америка преодолет свой страх и ненависть к геям в 90-е» (1989)⁴⁰. Но такие работы, проповедующие геям путь к принятию обществом через нормализацию, всегда находят противодействие со стороны другого элемента того же предполагаемого «сообщества».

Эта сторона может быть описана (и самоописана) не как «геи», а как «квирь». Это была – и есть – группа людей, которая считает, что влечение к людям своего пола означает нечто большее, чем влечение к людям своего пола. Эта группа людей считает, что влечение к своему полу должно стать только началом огромного пути. Первым шагом к тому, чтобы не просто научиться жить, но и нарушать привычные правила жизни. В то время как геи могут хотеть просто быть принятыми в обществе, квирь хотят, чтобы их воспринимали как принципиально отличающихся от всех остальных, и стремятся к разрушению того порядка, к которому пытаются приспособиться геи. Это – редко замечаемое, но центральное для сообщества разделение, существующее столько, сколько существует сама гей-идентичность.

В начале гей-революции были такие люди, которые ратовали за создание объединенного «фронта освобождения», которые мог бы увязать «гей-фронт освобождения» с другими движениями. Под влиянием таких активистов, как Джим Фурайт, альянсы расширились (и в то же время не были ограничены) до таких национальных движений, как «Черные пантеры», и зарубежных – ветконговцы, режим Мао в Китае, режим Кастро на Кубе и другие. Тот факт, что эти движения заявляли вслух о своей варьирующейся степени вражды с гомосексуалами (в маоистской Китае, к примеру, были готовы публично кастрировать «сексуальных дегенератов»), был просто одним из противоречий, которое необходимо было принять. Движение за права геев идентифицировало себя с движениями, которые не просто были революционными, но и противопоставляли себя обществу, в которое оно стремилось быть принятым⁴¹. В каждое последующее десятилетие начиная с 1960-х это разделение воспроизводится в гей-сообществе.

Во время эпидемии СПИДа в 1980-е стала нарастать существенная (и понятная) радикализация среди геев Европы и Америки. Группы вроде «Act Up» заявляли, что их избранные представители делали недостаточно для того, чтобы распознать невероятное страдание, которое появилось с распространением «чумы». Такие группы переходили к прямым действиям, но другие «геи» ощущали, что это происходило за счет движения в целом. В одной важной книге, вышедшей в начале 1990-х, американский автор Брюс Боуэр, сопротивляясь поглощению движения за права геев «квирями», вспоминал «бескомпромиссные» настроения групп вроде «Act Up». В книге «Место за столом» он вспоминает ответ на письмо, критиковавшее методы, используемые группой, в ныне несуществующем гей-еженедельнике «0W»: «Ты, ненавидящий себя, лицемерный, дезинформированный кусок говна, – говорилось в одном из типичных ответов. – Ты – позор для всей квір-нации»⁴². Что такое «квирнация»? Был ли у нее лишь один голос и лишь одна цель? Стремилась ли она к обособленной жизни или к такой же, как у всех? Тогда, как и теперь, на этот вопрос не было ответа. Были ли геи такими же, как все, или же они были группой иных людей, которые хотели осознанно и намеренно отделиться как город-государство, если и вовсе не как гейнация, сами по себе?

«Геи» и «квирь» пребывали в конфликте в течение всех 1990-х. В Британии те, кто стремился к тому, чтобы пользоваться продолжительным принятием и уважением, были в ужасе от действий таких групп, как «Outrage». В пасхальное воскресенье 1998 года Питер Тэтчелл и другие члены его группы атаковали кафедру Кентерберийского собора, прервав пасхальную проповедь архиепископа Кентерберийского и начав размахивать плакатами с надписями об

⁴⁰ Hunter Madsen and Marshall Kirk, *After the Ball: How America Will Conquer its Fear and Hatred of Gays in the '90s*, Doubleday, 1989.

⁴¹ See Paul Berman, *A Tale of Two Utopias: The Political Journey of the Generation of 1968*, W. W. Norton & Company Ltd, 1996, pp. 154 – 5.

⁴² Bawer, *A Place at the Table*, p. 191.

отношении английской церкви к правам геев. Был ли это разумный способ выдвинуть права геев на передний план, или же это несло в себе риск оттолкнуть людей, напуганных явным «фундаментализмом» этих геев? Такие же споры возникли (и в некоторой степени еще продолжаются) повсюду. Законопроект, созданный в противовес закону о запрете дискриминации геев, предлагался, но не принимался в штате Нью-Йорк в течение 21 года. Один из тех, кто над ним работал, сказал в 1992 году, что «многие законодатели контактировали с гей-сообществами во время яростных столкновений», таких, как то, когда члены радикальной группы «Queer Nation» «совершала шествие с чучелом лидера сенатского большинства Ральфа Дж. Марино», которое затем сожгла. Другие группы продвигали свои интересы более эффективно, избрав более «мягкий» подход⁴³.

Но радикальные настроения сохранялись. Как сохранялся и раскол между геями, которые хотели равенства, и геями, которые использовали свою сексуальную ориентацию в качестве первого шага к разрушению старого порядка или формированию нового общества. Редко когда это демонстрировалось более открыто, чем во время «марша на Вашингтон» 25 апреля 1993 года. Планировалось, что этот марш сделает для прав геев то же, что сделал марш Мартина Лютера Кинга для движения за права человека тремя десятилетиями ранее. Но марш 1993 года превратился в хаос, включивший в себя «неприличных комиков» и «огнедышащих радикалов, которые говорили лишь от лица небольшой части гей-сообщества». По словам Бауэра, все выглядело так, будто «организаторы марша задумали подтвердить самые ужасные стереотипы о гомосексуалах»:

«Я все продолжал сравнивать этот марш с маршем на Вашингтон 1963 года, проведенным в защиту прав чернокожих. По этому случаю Мартин Лютер Кинг-младший произнес главную речь своей жизни и заставил проникнуться не только своих последователей, но и каждого добросовестного американца пониманием серьезности своей миссии и верности своих действий. Он не призывал к революции, не осуждал американскую демократию и не стоял на одной сцене со стендап-комиками... В тот день в 1963 году он озвучил видение расового равенства, поразившее сознание Америки, пробудив все лучшее в своих последователях и воззвав к наиболее добродетельным качествам своих противников»⁴⁴.

И это – другой аспект движения за права геев, который продолжает беспокоить. Как писал в 1990-х годах Эндрю Салливан, другой писатель-гей: «Посетите любой марш за права геев, и вы увидите невозможность объединения в согласованную группу: такие попытки всегда подрываются иронией, эксгибиционизмом или безответственностью»⁴⁵.

На почти каждой современной демонстрации за права геев – главным образом на «гей-прайдах», проводимых по всему миру – призыв к равенству перед законом (на данный момент достигнутому в большинстве европейских стран) перемешан с вещами, которые заставляют краснеть как гомосексуалов, так и гетеросексуалов. Нет ничего плохого в том, чтобы люди получали удовольствие от своих фетишей у себя дома за закрытыми дверями. Но не обязательно быть ханжой, чтобы считать, что колонны людей, одетых в фетиш-одежду на таких протестах, отталкивают своим видом от любой из тех целей, которые они преследуют. Если бы участники движения за права чернокожих нарядились так, их правоту было бы проще игнорировать.

Но геи не будут загнаны в угол. Ни самостоятельно, ни кем-либо еще. Среди тех, кто призывает к равенству, всегда будут люди, путающие эксгибиционизм с активизмом, считающие, что никто до конца не свободен и не равен, пока не обладает правом надеть собачий ошейник и поводок и идти на четырех конечностях, сопровождаемый «хозяином», по полной

⁴³ Bawer, *A Place at the Table*, p. 193.

⁴⁴ Ibid., pp. 220 – 1.

⁴⁵ Andrew Sullivan, *Virtually Normal: An Argument about Homosexuality*, Picador, 1996, p. 204.

людей улице. Либеральный мыслитель вспоминает празднование «священного дня» «Стоунволла» и то, как оно проходило в 1990-е. Как «суровые геи-политики» проходили мимо тех, кто призывал к гражданским правам, а за ними следовали танцующие эротические танцы «молодые мужчины с голыми торсами», женщины с обнаженной грудью, фетишисты, облаченные в кожу, фетишисты, бичующие друг друга посреди улицы, и их слоганы: «анальная гордость», «вагинальная гордость». Оправданием этому (как, среди прочих, заявила интерсекциональный социолог Арлен Стайн) служило то, что, если бы геи выглядели как все, они бы исчезли. Только будучи кричащими и заметными, они могут быть уверены, что этого не произойдет. Стайн завершила эти слова тем, что назвала себя, помимо прочего, «сэкспертом». Это – тот титул, который, по словам Бермана, «хотел бы носить каждый, разве что, может быть, не 24 часа в сутки»⁴⁶. Те, кто отстаивает «квир» – сторону гомосексуальности, склонны к тому, чтобы преподносить гомосексуальность как полноценную занятость. Те же, кто называет себя геями, их недолюбливают.

⁴⁶ Berman, *A Tale of Two Utopias*, pp. 160 – 1.

Равный или лучший?

Даже в самых консервативных из требований в борьбе за права человека остаются безответные и рискованные вопросы. К примеру, если геи достигли равных прав со всеми, то нужно ли подчинять их таким же стандартам, каким подвергаются другие? Или в гей-равенство заранее встроена их неприменимость? Теперь, когда существуют гей-браки, следует ли ожидать от них такой же моногамии, какая обязательна для гетеросексуальных пар? Если у них нет детей, которые связывали бы их вместе, имеет ли смысл ожидать от этих двоих мужчин или двух женщин, познакомившихся, когда им было около двадцати лет, что они поженятся и будут заниматься сексом исключительно друг с другом в течение следующих шестидесяти или более лет? Захотят ли они? Если нет, то каковы будут последствия со стороны общества? Какие-то последствия должны быть, разве нет? Среди первых однополых пар, отпраздновавших свадьбу в США, была одна, в которой супруги сразу признались, что состоят в открытых отношениях. Что должны другие люди – включая гетеросексуалов – думать об однополых браках в такой ситуации? Вопрос остается без ответа. В Великобритании одна заметная пара геев, состоящих в браке, приложила множество усилий, чтобы скрыть тот факт, что супруги в ней состоят в открытых отношениях. Предположительно, они делали это потому, что осознавали, какой ущерб могут нанести, если гетеросексуальное большинство прознает о «неверности» в столь известной паре.

Среди всех разговоров о «равенстве» все же нет ничего, что говорило бы о том, что геи хотят абсолютного равенства. Выглядит так, будто многие из них хотят быть равными, но с небольшим «гей-бонусом». Когда звезда американского телевидения Эллен Дедженерес совершила каминг-аут в 1997 году, она подвергла себя существенному риску. Тот факт, что этот риск окупился и значительно увеличил заметность лесбиянок в обществе, сделал ее уважаемой персоной. Но что – накопленный социальный капитал, полученный с помощью этого действия, или какое-то лесбийское преимущество – обеспечивает ей такую свободу действий, которую не может себе позволить ни один гетеросексуальный мужчина? Вроде игры «Кого бы ты хотел?», в рамках которой Эллен показывает гостям своего шоу (мужчинам и женщинам) фотографии двоих знаменитостей и спрашивает, «кого бы они хотели».

В начале движения «MeToo» в 2017 году у каждого мужчины, который не только когда-либо дотрагивался до женщины неприличным образом, но и хотя бы когда-либо объективировал женщину, были неприятности. Однако казалось, что Дедженерес не обязана играть по тем же правилам. В конце октября, в тот месяц, когда пал Харви Вайнштейн, она опубликовала в социальной сети свое совместное фото с Кэти Перри. На поп-звезде было надето довольно обтягивающее платье, сильно подчеркивающее ее грудь. На фото Дедженерес обнимала Перри одной рукой, грудь которой приходилась ей на уровень глаз, и гладела на ее грудь с открытым ртом. «С днем рождения, Кэти Перри! – говорилось в сопровождающем это фото сообщении в официальном Twitter Дедженерес. – Время доставать большущие шарики!»⁴⁷ Поскольку к тому моменту было достигнуто общепринятое согласие насчет того, что мужчины не должны объективировать женщин, выглядело так, будто для знаменитых лесбиянок существует исключение.

⁴⁷ @TheEllenShow, Twitter, 25 October 2017, 5.53 p. m.

Воспитание детей в гей-парах

Успех движения за права геев может быть по понятным причинам тепло встречен всеми западными либеральными демократиями. Но у этого события есть и обратная сторона, а именно – моральная власть, которую оно имеет над другими проблемами. Какие сегодня существуют проблемы похожего рода, на которые в будущем люди будут смотреть с таким же стыдом, с каким сейчас смотрят на криминализацию гомосексуальности в прошлом? Есть ряд кандидатов на это место. Однако в случае с гей-правами декриминализация послужила толчком к развитию событий. Из-за того, каким грубым нарушением прав была криминализация гомосексуальности, теперь все, что связано с правами геев, легко проходит дальше без попытки оспаривания.

Появление однополых браков в США и Европе привело к росту последующих требований прав, и эти требования были связаны с воспитанием детей в гей-парах. Причем это касалось права не просто усыновлять детей, но и иметь своих собственных. Такие звездные гей-пары, как Элтон Джон и Дэвид Ферниш, Том Дейли и Дастин Лэнс Блэк часто преподносят это так, будто сделать это проще простого: «Мы решили завести семью». В феврале 2018 года Дейли и Блэк опубликовали фото, на котором они вместе держат УЗИ-фотографию. Заголовки газет писали: «Том Дейли объявил, что у него с его мужем будет ребенок»⁴⁸. Старая шутка, популярная в гомосексуальных кругах, звучит так: «У нас пока нет ребенка, но это не значит, что мы не можем пытаться его зачать». Но эта история символизировала гей-прорыв. И очень скоро стало ясно, что каждый, кто думал: «Могут ли двое мужчин завести ребенка?», получал ответ: «А почему нет? Гомофоб».

Естественно, некий колумнист из «Daily Mail» наступил на поджидавшую его мину. Но вопрос «А как именно это было возможно?» не был столь уж неоправданным. Во-первых, потому, что в последние годы считалось, что умалчивать об участии женщины в чем-либо – моветон. Однако вот перед нами два гея, которые полностью вычеркнули женщину – которая, скорее всего, все же сыграла некую роль в этом деле – из этой истории. Более того, вычеркнули женщину из, наверное, самого важного события, в котором вообще можно принять участие. Во-вторых, потому, что старательно прилизанная история о ребенке пары Дейли-Блэк обманывает целое поколение молодых геев. Фактически, в то время как лесбиянкам это удается значительно проще, двоим геям невероятно тяжело завести биологических детей, и даже если у них это получится, все равно ребенок будет носить биологический отпечаток лишь одного из отцов, что, в свою очередь, тоже может породить вопросы и споры. Самая простая часть этой лжи состоит в том, что даже эта ситуация, в которой два гея производят на свет ребенка с ДНК одного из них – для большинства геев недоступна. Она доступна только богатым геям. Яйцеклетка и услуги суррогатной матери стоят недешево. Но до того, как пара Дейли-Блэк стала получать сдержанную критику того, как была преподнесена беременность, эти вопросы не поднимались. Группа активистов под названием «Перестаньте спонсировать ненависть» («Stop funding Hate») составила список компаний, которые публиковали свою рекламу в «Daily Mail», стремясь таким образом заставить их не помещать рекламу в газету, которая «все больше расходуется со взглядами большинства британцев»⁴⁹. И все это – из-за того, что газета сказала «погодите минуточку» в ответ на заявление о том, что двое мужчин могут просто завести ребенка.

Но философия «не просто равный, но лучший» продолжает жить не только в спорах, связанных с вопросом о геях, но и во многих других. В 2014 году исследователи из Мельн-

⁴⁸ *Daily Telegraph*, 14 February 2018.

⁴⁹ Stop Funding Hate, Twitter, 16 February 2018.

бурнского университета опубликовали исследование, которое показывало, что дети однополых пар – более здоровые и счастливые, чем дети, выросшие у гетеросексуальных пар. Главный исследователь, работавший над этим проектом, доктор Саймон Крауч, заявил, что причиной этого превосходящего уровня счастья было то, что однополые пары не подвержены традиционным «гендерным стереотипам», и это приводит к формированию «более гармоничного семейного союза»⁵⁰. Такое заявление нередко можно услышать. В 2010 году ВВС транслировало короткий фильм, снятый Реверенд Шерон Фергюсон (которая также являлась генеральным директором Лесби-гей-христианского движения), в котором она заявила, что лесбиянки вроде нее не просто были такими же хорошими родителями, как гетеросексуальные пары⁵¹. Согласно ее словам, лесбиянки – даже лучшие родители, чем гетеросексуальные пары⁵². Похожие утверждения, основанные на аналогичных двусмысленных данных, больше похожих на пропаганду, чем на анализ, возникают со значительной регулярностью.

К примеру, в марте 2018 года исследователи из Института Уильяма в Юридической школе Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе опубликовали результаты исследования 515 пар в Вермонте, которое велось 12 лет. Согласно этому исследованию, гей-пары с большей вероятностью оставались вместе, чем лесбийские пары или гетеросексуальные пары. Это быстро попало в гей-прессу и распространилось повсюду под заголовками «Гей-браки менее склонны распадаться, чем гетеросексуальные браки, как показывает исследование»⁵³.

Может показаться, что вопрос о воспитании детей в однополых семьях целиком относится к «стороне геев» в споре о геях и квирах, однако мы можем услышать эхо одного из самых отвратительных голосов, какие всегда существовали на периферии движения за права квилов. И это – утверждение о том, что равенства недостаточно, потому что геи всегда в некотором смысле «лучше» гетеросексуалов. Американский радикальный гей-активист Роберт Рафски однажды был запечатлен на кинолентке кричащим своим коллегам по гей-активизму о гетеросексуалах: «Мы важнее, чем они!» Это позиция, которая, как писал Брюс Боуэр, «не менее мерзкая, чем принятие гетеросексуалами как должного того, что они – важнее гомосексуалов»⁵⁴. Но здесь есть путаница, как и во многом другом.

Еще одно заблуждение, достойное упоминания, – вопрос о том, является ли гомосексуальность влечением к представителям своего пола или же частью большого политического проекта.

⁵⁰ ‘Children of same-sex couples happier and healthier than peers, research shows’, *Washington Post*, 7 July 2014.

⁵¹ *Sunday Morning Live*, BBC 1, 27 October 2010.

⁵² ‘Study identifies predictors of relationship dissolution among same-sex and heterosexual couples’, The Williams Institute, UCLA School of Law, 1 March 2018.

⁵³ *Pink News*, 25 March 2018.

⁵⁴ Bawer, *A Place at the Table*, p. 188.

Политична ли гомосексуальность?

Накануне референдума о Брекзите в 2016 году в Великобритании актера сэра Йена Маккеллена спросили о том, как он собирается голосовать. Вынесенная в заголовок цитата из интервью утверждала, что «Брекзит для вас бессмыслен, если вы – гей». В этом тексте сэр Йен, который очень многое делал для обеспечения геев фундаментальными правами в течение десятилетий – сказал, что, если смотреть на референдум с точки зрения гея, то «есть лишь одна опция – остаться. Если вы – гей, то вы – интернационалист»⁵⁵. Предположительно, люди, которые считали себя гомосексуалами и которые собирались голосовать за выход Великобритании из Евросоюза, в течение всех этих лет делали все неправильно. И уже неоднократно похожие войны разыгрывались на территории США.

21 июля 2016 года должно было стать большим днем для всех, кто поддерживал права геев в США. В этот день Питер Тиль поднялся на сцену Республиканского национального съезда в Кливленде, штат Огайо, и обратился к собравшимся. Геи и раньше выступали на сцене республиканской платформы, но не в одиночестве и не признавая открыто свою ориентацию. Для контраста – сооснователь сервиса «PayPal» и ранний инвестор в Facebook сделал очевидную и прямолинейную отсылку к своей ориентации, когда поддержал Дональда Трампа в качестве кандидата в президенты от Республиканской партии. Во время своей речи Тиль сказал: «Я горжусь тем, что я гей. Я горжусь тем, что я республиканец. Но больше всего я горжусь тем, что я – американец». Все сказанное было встречено аплодисментами и возгласами одобрения среди зрителей. Похожую ситуацию невозможно было себе представить еще несколько электоральных циклов назад. Сеть NBC была среди мейнстримных медиа, осветивших это событие в положительном ключе. «Питер Тиль создает историю на Республиканском национальном конвенте», – гласили заголовки.

Гей-пресса не была так воодушевлена. Главный американский гей-журнал «Advocate» атаковал Тилья в длинном и любопытном материале, состоявшем из его «отлучения» от «гей-церкви». Заголовок гласил: «Питер Тиль показывает нам: есть разница между тем, чтобы заниматься однополым сексом, и быть геем». Подзаголовок перед статьей, состоящей из 1300 слов и написанной Джимом Даунсом, профессором кафедры истории в Коннектикутском колледже, был такой: «Когда вы отказываетесь от многочисленных аспектов квир-идентичности, остаетесь ли вы по-прежнему частью ЛГБТ?»

В то время как Даунс признавал, что Тиль – «мужчина, который занимается сексом с другими мужчинами», он задавался вопросом о том, действительно ли тот является во всех смыслах геем. «Вопрос может показаться узким, – признавал автор, – но он действительно является [sic] поднимает вопрос широкого и важного разделения, которое мы должны произвести в своем представлении о сексуальности, идентичности и сообществе». После насмешек над теми, кто славил речь Тилья как некий момент «водораздела» – не говоря уже о моменте «прогресса» – Даунс озвучил свою анафему: «Тиль – пример мужчины, который занимается сексом с другими мужчинами, но не является геем. Потому что он не принимает борьбу людей за то, чтобы принять свою особую идентичность».

Первым поводом для этого основателя концепции гей-ереси послужило то, что в своей речи на Республиканском национальном конвенте Тиль оставил без внимания бесконечные диспуты из-за туалетов для транс-людей, в которых вопрос состоял в том, какие туалеты им стоит посещать и какие там должны быть установлены предметы сантехники. Несмотря на то, что Тиль сказал, что «не с каждым элементом нашей платформы согласен», он заявил, что «фальшивые культурные войны только отвлекают нас от нашего экономического спада». Он

⁵⁵ Sir Ian McKellen: Brexit makes no sense if you're gay', *Daily Telegraph*, 10 June 2016.

продолжал: «Когда я был маленьким, предметом большого спора было то, как нам победить Советский Союз. И мы победили. Теперь нам говорят, что предметом большого спора является то, кому какой туалет использовать. Это отвлекает нас от реальных проблем. Какому какое дело?» Это заявление было тепло принято в Кливленде. И, если верить опросам, оно было бы тепло встречено во всей Америке. Это демонстрирует нам то, что людей, которых беспокоит состояние экономики, больше, чем тех, кого беспокоят туалеты. Но для журнала «Advocate» это было слишком большим отклонением от курса.

Утверждая свои «сексуальные предпочтения», Тиль был виновен в том, что «отделил себя от гей-идентичности». Его мнение по поводу относительной незначительности трансгендерных туалетов для широкой культуры «фактически отвергает концепцию ЛГБТ как культурной идентичности, для защиты которой нужна политическая борьба». Тиль обвинялся в том, что был частью движения, которое с 1970-х годов «не вносило вклада в создание культурной идентичности в той же мере, в какой вносили их предшественники». Успешное обретение гей-сообществом прав, очевидно, остановило их осуществления такой «культурной работы». Но это было опасно, как показало каким-то неочевидным образом связанное с этим недавнее массовое убийство в ночном гей-клубе. Автор статьи оставил своим читателям напоминание о том, что «движение за освобождение геев оставило нам мощное наследие, и для защиты этого наследия необходимо понимать значение слова «гей» и не использовать его в качестве синонима для одних лишь однополого секса и близости»⁵⁶.

Фактически массовое убийство в ночном клубе «Pulse» в Орландо в июне 2016 года было совершено юным мусульманином, поклявшимся в верности Исламскому государству (ИГИЛ)⁵⁷. Однако эта деталь не смогла удержать внимание журнала «Advocate» и сдержать гей-парад, прошедший в Нью-Йорке позднее в том же месяце. По этому поводу парад проводили под знаменем большого радужного флага, украшенного словами «Ненависть республиканцев убивает!», очевидно, забыв, что Омар Матин не был членом Республиканской партии.

Дело не только в том, что самопровозглашенные организаторы «гей-сообщества» имеют определенные политические взгляды. У них также есть специфические взгляды на то, с какой предполагаемой ответственностью сопряжена жизнь в качестве гея. В 2013 году писатель Брет Истон Эллис получил выговор и не был допущен на ежегодный ужин, где вручались награды за достижения в области медиа, проводимый гей-организацией ГЛААД (GLAAD). Он обвинялся в том, что написал в Twitter о своих взглядах на «дебильность» телевизионных персонажей-геев, на что, по словам ГЛААД, «гей-сообщество отреагировало отрицательно»⁵⁸. Этот строгий тон – тон чопорной школьной учительницы – был схож с тем, с которым издание «Pink News» со всей серьезностью в 2018 году опубликовало список того, «что можно, а чего нельзя гетеросексуальным людям делать в гей-барах»⁵⁹. Во всех этих случаях нормальной реакцией было бы сказать: «Да вы кем вообще себя возомнили?» Но, получив выговор, Эллис-мыслепреступник смог выразить словами то, что стало большой частью гей-дискурса. А именно, как он сказал, то, что нам довелось жить во времена «царствования Гея в качестве Волшебного Эльфа, который, когда бы ни совершил каминг-аут, предстает перед нами как какой-то святой инопланетянин, единственное предназначение которого – только напоминать нам о Толерантности, о наших Собственных Предрассудках, Гордиться Собой, а также – чтобы быть символом».

Царствование волшебного гея-эльфа действительно установилось на сегодняшний день как один из приемлемых обществом путей жить в ладу с гомосексуальностью. Геи теперь могут

⁵⁶ Jim Downs, 'Peter Thiel shows us there's a difference between gay sex and gay', *Advocate*, 14 October 2016.

⁵⁷ Организация запрещена в России по решению Верховного суда. – примеч. пер.

⁵⁸ 'Bret Easton Ellis goes on Twitter rampage after GLAAD media awards ban', *Entertainment Weekly*, 22 April 2013.

⁵⁹ 'How straight people should behave in gay bars', *Pink News*, 30 November 2018.

сочетаться браком, как и все, могут притворяться, будто заводят детей тем же путем, что и все, и в целом доказывают, как это делают Дастин Лэнс Блэк и Том Дейли на своем YouTube-канале, что геи – безобидные люди, которые и впрямь проводят всю жизнь, будучи миленькими и готовя капкейки. Как писал Эллис, «Милый, Не Несущий в Себе Сексуальной Угрозы и Суперуспешный Гей предположительно предназначен судьбой для того, чтобы превратить Гетеросексуалов в доблестных геелюбивых защитников – до тех пор, пока вышеуказанный гей не ведет беспорядочную жизнь, не демонстрирует сексуальность и не доставляет проблем»⁶⁰. Бывший *enfant terrible* американской художественной литературы смог вскрыть и назвать проблему своим именем.

⁶⁰ 'In the reign of the magical gay elves', Bret Easton Ellis, *Out*, 13 May 2013.

Каковы вероятные причины «гомофобии»?

Ничто не оправдывает ненависти или насилия по отношению к людям, не говоря уже о группах людей. Но существует множество стадий между легкостью нахождения рядом с людьми и желанием жестоко расправиться с ними. Геи заставляют гетеросексуалов по-настоящему нервничать. Возможно, многие, большинство или даже все гетеросексуалы испытывают нечто подобное, очень далекое от неприязни, но все же нервнующее. В то время как многие из публицистических и научных работ, написанных о том, что стало известным как «гомофобия», фокусировались на неверных предпосылках для этого, вероятные причины гомофобии игнорировались. Это больше касается мужской гомосексуальности, чем женской. По многим историческим и социальным причинам женская гомосексуальность редко воспринималась атакой на социальный порядок такого масштаба, как мужская гомосексуальность. И это могло происходить потому, что в природе мужской гомосексуальности есть нечто такое, что задевает самую суть одного из важнейших аспектов сексуальности не просто некоторых людей, а всех людей.

В корне практически всех женских и мужских влечений к противоположному полу есть целый ряд вопросов, на которые нет ответа и, возможно, никогда не будет. Есть загадки и неразбериха, которые возникают на всех этапах ритуала свиданий. Они являют собой сюжет практически для всех комедий и трагедий с древнейших времен до наших дней. Но важнейшие и непреходящие вопросы скрываются под поверхностью ритуалов ухаживаний и свиданий и часто становятся очевидными, когда дело доходит до ритуала спаривания. Женщины хотят знать, что привлекает мужчин, чего они хотят и что чувствуют – если вообще чувствуют что-то – во время сексуального акта. Эти вопросы – классические для разговора между друзьями или подругами и источник невероятной озабоченности и беспокойства на каком-то из этапов (а иногда и на всех) жизни большинства людей начиная с подросткового возраста.

Если и есть в обществе что-то, что может хотя бы сравниться с замешательством и беспокойством женщин из-за мужчин, то это – вопросы, которые есть у мужчин про женщин. Предмет практически любой драматической комедии – неумение мужчины понять женщин. О чем они думают? Чего хотят? Почему так сложно трактовать их действия? Почему каждый из полов ожидает от другого умения декодировать их слова, действия и молчание, если ни один из представителей одного пола никогда не давал инструкцию по интерпретации для противоположного пола?

В корне набора переживаний и вопросов, свойственных гетеросексуальному мужчине – те же вопросы, которые есть у женщин к мужчинам. Как для них ощущается акт любви? Что чувствует другой человек? Что они из этого получают? И как уживаются два пола? В древности люди, конечно, размышляли над этим. Такие вопросы озвучиваются Аристофаном в диалоге «Пир» Платона. Но ни один из них не получил ответа. Тайна сохраняется и, вероятнее всего, будет сохраняться всегда.

До момента появления операций с правдоподобными результатами для людей, которые считали, что родились в другом теле (о них поговорим позже), вызывающими наибольшую тревогу среди тех, кто «путешествовал» между двумя полами, были гомосексуальные мужчины. Не из-за сильно выраженной женской части своей природы, а потому, что они знали секрет, который женщины хранили с помощью секса. Это вопрос – и обеспокоенность – которые существовали тысячелетиями.

Рассмотрим легенду о Тиресии, которая рассказывается в «Метаморфозах». Там Овидий излагает историю о Зевсе и Гере, праздно шутящих о процессе соития. Зевс сказал Гере: «Вы, женщины, получаете от него больше удовольствия, чем мы, мужчины, я уверен». Гера не соглашается, и они привлекают Тиресия, чтобы тот рассудил их: «Он – тот, кто знает обе стороны любви». История Тиресия сложна. Овидий рассказывает, как Тиресий однажды наткнулся на

пару огромных змей, спаривающихся в позеленевшем теле трупа. Он ударил их посохом и немедленно превратился из мужчины в женщину. Проведя семь лет в качестве женщины, на восьмой год он опять обнаружил змей и вновь их ударил. «Если побивание вас несет в себе волшебную силу \ Переменить пол побивающего, \ Я ударю вас вновь», – говорит он. Он бьет их и вновь обращается в мужчину.

Зевс и Гера призывают Тиресия, поскольку хотят, чтобы он вынес суждение в споре о том, кто получает больше удовольствия от соития – мужчины или женщины. «Путешественник между полами» объявил, что Зевс был прав: женщины получают больше удовольствия. Оскорбленная, Гера ослепляет Тиресия, и, чтобы компенсировать его слепоту (так как ни один бог не способен отменить деяние другого бога) Зевс наделяет его даром предвидения – даром, который позже позволит Тиресию предсказать судьбу Нарцисса⁶¹. Отставив в сторону богов, змей и посохи, легенда о Тиресии поднимает – и предлагает ответ – на глубочайший вопрос. Гомосексуальные мужчины тоже играют в нем роль.

Удивительно малое число людей поднимало этот вопрос. Один из немногих, кто делал это в последние годы – писатель и (что не является совпадением) эксперт по античности Дэниел Мендельсон в своей книге 1999 года «Неуловимое объятие: желание и загадка идентичности». В этой семейной истории-мемуарах он погружается глубоко в тему. Спрашивая, на что похож секс между двумя мужчинами, он пишет:

«В некотором смысле это похоже на опыт Тиресия; это – та причина, почему гомосексуальные мужчины кажутся жутковатыми, почему мысль о гомосексуальных мужчинах – подрывная и некомфортная. Все гетеросексуальные мужчины, которые принимали участие в физическом акте любви, знают, каково это – проникать в партнера во время совокупления, быть внутри другого человека; все женщины, которые занимались сексом, знают, каково это, когда в тебя проникают, каково иметь другого человека внутри себя. Но мужчина-гомосексуал в тот самый момент, когда он проникает в партнера или когда партнер проникает в него, в точности знает, что ощущает и испытывает его партнер, даже если сам испытывает нечто противоположное – взаимодополняющий акт. Секс между мужчинами растворяет инаковость и превращает в схожесть в идеальном смешении: нет ничего, что одна сторона не знает о другой. Если эмоциональная цель полового акта состоит в том, чтобы целиком узнать другого, то гомосексуальный акт в этом смысле идеален, поскольку в нем наконец возможно полное узнавание опыта другого. Однако, поскольку объект этого знания уже полностью известен обоим сторонам, акт также в некотором смысле избыточен. Возможно, в этом и есть причина того, почему многие из нас постоянно хотят повторения – будто глубина недостижима».

Мендельсон продолжает, описывая стихотворение, написанное его другом, о молодом гее, который смотрит, как играют в футбол мужчины, которых тот тайно и ревниво желает. Стихотворение заканчивается похотливым, изобретательным описанием того, как игроки занимаются сексом со своими девушками, и один из них «проваливается сквозь нее в свою собственную страсть». Мендельсон описывает свои собственные ранние гетеросексуальные опыты, и, признавая, что в них не было ничего неприятного, они были похожи, по его словам, «на участие в виде спорта, для которого я не подходил телосложением». Но он добавляет:

«Из этих безучастных совокуплений я помню вот что: когда мужчины занимаются сексом с женщинами, они в женщину „проваливаются“. Она – то, чего они страстно хотят, или порой боятся, но при любом случае она – конечный пункт, то, куда они отправляются. Она – пункт назначения. Гомосексуальные мужчины – те, кто во время секса „проваливаясь“ в партнера, попадают в самих себя снова и снова».

Он продолжает:

⁶¹ Ovid, *Metamorphoses*, trans. A. D. Melville, Oxford University Press, 1998, pp. 60 – 1.

«Я занимался сексом со многими мужчинами. Большинство из них выглядит определенным образом. Они – среднего роста и, как правило, миловидны. У них, как правило, голубые глаза. Издалека – на расстоянии ширины улицы или из противоположного угла комнаты – они кажутся немного мрачными. Когда я обнимаю их, я словно проваливаюсь сквозь зеркало в мое желание, в то, что определяет меня – мою сущность»⁶².

Это – выдающийся анализ, также вызывающий тревогу. Поскольку он предполагает, что в гомосексуальных людях – особенно в мужчинах-геях – всегда будет что-то странное и внушающее потенциальную угрозу. Не потому, что гомосексуальность – непрочный компонент для построения индивидуальной идентичности и ужасно нестабильный путь для формирования любой групповой идентичности, но потому, что геи всегда будут представлять собой вызов чему-то врожденному у группы, которая составляет большинство в обществе.

У всех женщин есть что-то, чего хотят гетеросексуальные мужчины. Они – владелицы, обладательницы какого-то волшебства. Но вот какая штука: похоже, мужчины-геи тоже в курсе их секрета. Кому-то от этого свободнее. Некоторым женщинам всегда будет нравиться говорить с геями о проблемах – в том числе сексуальных – мужчин. Точно так же, как гетеросексуальным мужчинам нравится говорить с немного билингвальным другом, который мог бы помочь им выучить язык. Но есть и те, кому это всегда будет внушать тревогу. Поскольку для них гомосексуалы всегда будут теми – особенно мужчины-геи – кто слишком много знает.

⁶² Daniel Mendelsohn, *The Elusive Embrace: Desire and the Riddle of Identity*, Alfred A. Knopf, 1999, pp. 73 – 5.

Интерлюдия. Марксистские основания

'Credo quia absurdum'
(Верую, ибо абсурдно) –
Тертуллиан (предположительно)

В 1911 году появился знаменитый постер под названием «Индустриальные рабочие мира», изображающий то, что, как утверждалось, являлось «Пирамидой капиталистической системы». Внизу пирамиды находились храбрые мужчины, женщины и дети рабочего класса. Своими гордо расправленными, крепкими и тем не менее напряженными изо всех сил плечами они поддерживают все сооружение. «Мы работаем за всех» и «Мы кормим всех» – эти подписи сопровождали самую нижнюю, но самую фундаментальную часть системы. На этаж выше над ними, попивая вино за обедом, в смокингах и вечерних платьях, расположился благополучный капиталистический класс, поддерживаемый рабочими и имеющий возможность наслаждаться жизнью благодаря их труду. «Мы едим за вас», – написано на их ярусе. Выше них – ярус военных («Мы стреляем в вас»). Над ним – ярус духовенства («Мы дурачим вас»). Еще выше – ярус монарха («Мы правим вами»). И наконец, балансирующий на самом вершине пирамиды, даже выше монарха, расположился большой мешок денег с нарисованными на нем знаками американского доллара. Самый верхний ярус государства был подписан: «Капитализм».

На сегодняшней день вариация этой старой картинки оказалась в самом центре идеологии социальной справедливости. Одна из примет, указывающих на то, что эта новая система базируется на марксистских основаниях, – это тот факт, что капитализм все еще находится на вершине пирамиды угнетения и эксплуатации. Но другие верхние ярусы этой иерархической пирамиды теперь наполнены другими группами людей. На ее вершине – люди с белой кожей, мужского пола и гетеросексуальной ориентации. Им не обязательно быть богатыми, но если они богаты, так даже хуже. Ниже, под этими тираническими мужчинами-повелителями, расположились все меньшинства: главным образом геи, все, у кого цвет кожи отличается от белого, женщины и трансгендерные персоны. Эти люди принижены, угнетены, сдвинуты на второй план и всячески сделаны незначительными этой белой, патриархальной, гетеросексуальной, «цис» – системой. Точно так же, как марксизм должен был освободить рабочего и разделить богатство между людьми, так и в этой новой версии старого заявления сила патриархальных белых мужчин должна быть у них отобрана и справедливо поделена между значимыми группами меньшинств.

На ранних этапах своего развития эта идеология не воспринималась слишком уж всерьез ее оппонентами. Некоторые ее утверждения были настолько смехотворны, а ее неотъемлемые противоречия – столь очевидны, что внятная критика практически отсутствовала. Это было ошибкой. У этой идеологии есть очень ясные идеологические предпосылки, но она все еще является идеологией, которая – что бы о ней ни говорили – предоставляет способ понимания мира и смысл для действий человека и его жизни в мире.

Совершенно неудивительно, что у академиков, возившихся с идеями, которые выросли в эту теорию о пересечении групп, есть общие исторические интересы. Ни один академик из тех, которые пропагандировали политику идентичности и интерсекциональности, не принадлежит к консервативному правому крылу. И есть ряд причин того, почему это неудивительно. Одна из них – это идеологический уклон, существующий в академической среде. Одно исследование американских университетов, проведенное в 2006 году, показало, что 18 % профессоров социальных наук радостно идентифицировали себя как «марксистов». И несмотря на то, что есть кафедры, на которых работает относительно небольшое количество марксистов, любая область знаний, в которой одна пятая часть от общего числа профессоров, как выяс-

нилось, верит в чрезвычайно спорную (мягко говоря) догму, может вызвать вопросы. Тот же самый опрос показал, что 21 % профессоров социальных наук могли бы назвать себя «активистами», а 24 % – радикальными⁶³. Это значительно больше, чем количество профессоров, готовых назвать себя «республиканцами», в любой области наук.

Даже если они сами не считают себя таковыми, марксистских и постмарксистских мыслителей всегда можно распознать по набору философов, которых они цитируют и почитают и чьи теории они пытаются применить ко всем областям и граням жизни. Начиная с Мишеля Фуко, эти философы впитали идею того, что общество – это не бесконечно сложные системы доверия и традиций, развивавшиеся с течением времени, а что-то, что воспринимается исключительно через призму «власти». Видение всех человеческих взаимоотношений в таком свете искажает, а не делает более различимым, и дает нам нечестную интерпретацию наших жизней. Безусловно, власть как сила существует в этом мире, но также существуют милосердие, прощение и любовь. Если вы спросите большинство людей о том, что для них является важным в жизни, очень немногие скажут «власть». Не потому, что они плохо читали Фуко, а потому, что это извращение – смотреть на все в жизни сквозь такую маниакальную линзу.

Как бы там ни было, человеку, который нацелен на то, чтобы найти виноватых, а не прощать, Фуко поможет все объяснить. И то, что Фуко и его обожатели пытаются объяснить на уровне личных отношений, они также пытаются объяснить и на уровне большой политики. Для них абсолютно все в жизни – политический выбор и политический акт.

Постмарксисты, стремящиеся объяснить окружающий нас мир сегодня, не только поглотили искажающую призму Фуко и Маркса. Начиная с Антонио Грамши они также впитали в себя концепцию культуры как «гегемонии», контроль над которой как минимум так же важен, как рабочий класс. От современника Фуко Жюль Делеза они взяли идею того, что роль индивида – увидеть насквозь и размотать сеть, которой его опутала культура, в которой он родился. И всегда и везде стоит цель – взятая из французской критической теории – «деконструировать» все. «Деконструировать» в академическом сообществе столь же важно, сколь важно «конструировать» во всех остальных частях общества. Действительно, любопытным свойством академического сообщества в последние годы стало то, что не было такой вещи, которую оно не пожелало бы деконструировать – за исключением себя самого.

Процесс деконструкции возникал в некоторых областях знания, но нигде это не происходило столь быстро и всеобъемлюще, как в распространяющихся метастазах ответвлениях социальных наук. Такие дисциплины, как «квир-исследования», «фем-исследования», «black studies» и другие каждая в своей области везде и всегда были направлены на то, чтобы достичь одних и тех же целей. Всегда со ссылками на одних и тех же, по-видимому, незаменимых, философов. Важнейшая задача этого сегмента академического сообщества в течение последних десятилетий – первое, что нужно «расплести», – это атаковать, подорвать и, наконец, свергнуть все, что до этого казалось нерушимыми определенностями, включая законы биологии. Итак, знание того факта, что существуют два различных пола, превратилось в предположение, что есть два различных гендера. А оттуда все было подведено к тому, что оказалось – по меньшей мере в университетах – популярным в широких кругах суждением, что фактически такой вещи, как гендер, не существует. Гендер не реален, он лишь является «социальным конструктом». Работа Джудит Батлер из Калифорнийского университета в Беркли была особенно популярна в этой дискуссии. По мнению Батлер (в особенности – в книге «Гендерное беспокойство», 1990), феминизм совершил ошибку, допустив, что существуют категории «мужчина» и «женщина». На самом деле «мужское» и «женское» – это «культурные предположения». Действительно, гендер – это не более чем «повторяющийся социальный перформанс» и точно не

⁶³ 'The social and political views of American professors', a working paper by Neil Gross (Harvard) and Solon Simmons (George Mason), 24 September 2007.

результат «уже существующей реальности». В то же время похожий процесс проходил в «black studies», где проделывалась такая же работа – со ссылками на тот же ряд философов – чтобы утвердить, что, как и гендер, раса фактически является социальным конструктом, «культурным предположением» и «повторяющимся социальным перформансом».

Только после этого «расплетения» началось «плетение» новой идеологии. Здесь в игру вступили основополагающие тексты о социальной справедливости и интерсекциональности. Расчистив пространство, они, как оказалось, освободили его для своих идей.

В 1988 году Пегги Макинтош из колледжа Уэллсли (чьей специализацией было поле фем-исследований), опубликовала работу «Белая привилегия: распаковывая невидимый рюкзак». Работа сама по себе была не то чтобы статьей – скорее списком заявлений длиной в несколько страниц. В нем Макинтош перечисляет 50 явлений, которые называет «повседневными проявлениями белой привилегии». Среди них – такие, как «если я захочу, я всегда могу оказаться в компании людей своей расы» и «я могу пойти по магазинам одна, будучи уверена в том, что не подвергнусь преследованию или домогательствам»⁶⁴. Многие из заявлений, которые делает Макинтош в 1988 году, на сегодняшний день выглядят абсурдными и неактуальными. Большинство не является применимым исключительно к белым людям, и ни одно не служит доказательством тому выводу, который пытается сделать Макинтош. Но «Белая привилегия» на удивление ясно написана и делает понятное заявление – что люди должны признать привилегии, присутствующие в их жизнях. Она говорит, что люди, получающие выгоду от существующих структур власти, не «заработали» эту власть. И, что самое главное, она утверждает, что множество групп (включая людей, обладающих различными сексуальными ориентациями и относящихся к разным расам) страдают от «взаимосвязанных видов угнетения». Будто бы все представители «кафедр исследования обид» собрались на одном большом семинаре.

С точки зрения Макинтош, а также Кимберли Креншоу и других, кто делал похожие заявления, необходимо выявить природу этих взаимосвязанных видов угнетения. Всегда есть ощущение, будто, когда мы их разберем, случится что-то чудесное, хотя, как это часто бывает с утопиями, карта не прилагается. Как бы там ни было, Макинтош убеждает людей в том, что нужно «повышать уровень повседневной осознанности» по поводу природы привилегий и пытаться использовать «нашу власть, которой мы произвольным образом были наделены, в более широких масштабах». Из этого можно предположить, что Макинтош не против власти – скорее за то, чтобы иным образом ее перераспределить. Все это настолько расплывчато сформулировано, что в любые нормальные времена подобный список не вышел бы за стены колледжа Уэллсли. И в течение многих лет он точно не выходил за пределы академического мира. Но «Белая привилегия» выжила в очень необычные времена – времена, когда люди спешат давать новые определения вещам. И, как оказалось, сколь бы ни был он прост, этот призыв к осознанности и перераспределению был действительно весьма эффективен во времена интеллектуального хаоса.

Одновременно с этим другие делали такую же работу, но немного иным образом. Один ведущий постмарксист, уроженец Аргентины Эрнесто Лакло (умер в 2014-м), провел 1980-е в попытках решить некоторые проблемы, которые, как он считал, возникли. Вместе со своей супругой и соавтором Шанталь Муфф он создал то, что потом стало одной из ранних основ будущей политики идентичности. Свою работу 1985 года «Гегемония и социалистическая стратегия» они начинают с того, что благородно отмечают, что социализм столкнулся с «возникновением новых противоречий». «Традиционный дискурс марксизма», по их словам, «фокусировался на классовый борьбе» и «противоречиях капитализма». Однако понятие классовой борьбы теперь необходимо изменить. Они спрашивают:

⁶⁴ See <https://www.racialequitytools.org/resourcefiles/mcintosh.pdf>

«До какой степени необходимо изменить понятие классовой борьбы, чтобы можно было работать с новыми политическими субъектами – женщинами, национальными, расовыми и сексуальными меньшинствами, антиядерными и антиинституциональными движениями и т. д. – явно антикапиталистического характера, но идентичность которых не сконструирована вокруг конкретных «классовых интересов»?»⁶⁵

Необходимо отметить, что это – не какая-то непонятная книга, а регулярно цитируемая. Действительно, Google Scholar показывает, что ее цитировали более 16 000 раз. В «Гегемонии и социалистической стратегии», как и в других работах, включая «Социалистическая стратегия: куда дальше?», Лакло и Муфф предельно честны относительно того, что, по их мнению, должно быть достигнуто и как.

Тот факт, что капиталистическая система пока не рухнула, не означает, что этого не случится. Неудача их проекта на сегодняшний день лишь предоставляет Лакло и Муфф еще больше противоречий, которые необходимо преодолеть. Среди них – тот факт, что «условия политической борьбы при развитом капитализме становятся все более далеки от модели XIX века»⁶⁶. Политическая борьба в наше время должна включать другие группы людей.

Естественно, они осознают, что эти новые движения могут привести и новые противоречия. К примеру, они говорят, что «классовая политическая субъектность белых рабочих» может быть «определена расистскими или антирасистскими настроениями», которые «очевидным образом важны для борьбы рабочих-иммигрантов»⁶⁷. Оба автора являются исключительно многословными, и совершенно непонятно, как продрагаться через такие сложные формулировки. Они постоянно пишут об «определенных занятиях», «организационные формы», а временами почти каждое слово – слово «частично»⁶⁸. Несмотря на то, что целый ряд выводов в работе Лакло и Муфф довольно расплывчат, есть то, о чем они говорят четко, а именно – о полезности новых социальных движений, таких, как женское движение, для социалистической борьбы.

Полезность таких групп очевидна – их «крайне разнообразная борьба: городская, экологическая, антиавторитарная, антиинституциональная, феминистическая, антирасистская, этническая, региональная или за права меньшинств» придает смысл и драйв социалистическому движению, которое нуждается в новой энергии. Более того, до тех пор, пока они не согласуются между собой, эти группы могут просто следовать своей собственной повестке и удовлетворять свои собственные нужды. Необходимо собрать все эти движения воедино под одним зонтом: зонтом социалистической борьбы. Лакло и Муфф пишут о том, что их интересует в этих новых движениях, и объясняют, как это «приводит нас к созданию этих движений как продолжению демократической революции, ведущей к появлению новых видов социальных отношений. Благодаря новизне эта цель возлагается на новые движения тем фактом, что они ставят под сомнение новые формы субординации»⁶⁹.

В статье «Марксизм сегодня», которую Лакло и Муфф написали в период подготовки к изданию своей книги, они еще яснее выразились о полезности этих движений. Поскольку, хотя они могут быть против вещей, против которых выступают социалисты, эти «новые политические субъекты» («женщины, студенты, молодежь, расовые, сексуальные и региональные меньшинства, как и участники разнообразных видов антиинституциональной и экологической борьбы») имеют непосредственное преимущество. Основное преимущество звучит так:

⁶⁵ Ernesto Laclau and Chantal Mouffe, 'Socialist strategy: Where next?', *Marxism Today*, January 1981.

⁶⁶ Ernesto Laclau and Chantal Mouffe, *Hegemony and Socialist Strategy* (second edition), Verso, 2001, p. 133.

⁶⁷ Ibid., p. 141.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Ibid., pp. 159 – 60.

«Их враг определяется не своей функцией эксплуатации, но обладанием определенной властью. И эта власть также не проистекает из отношений производства, но является результатом особенности формы социальной организации в современном обществе. Это общество – капиталистическое, но это не единственная его характеристика; оно также сексистское и патриархальное, не говоря уже о том, что и расистское»⁷⁰.

Лакло и Муфф четко подробно описали свою попытку найти или создать новый вид «эксплуатируемого» человека. Рабочие классы могли быть эксплуатируемы, но не способны осознать этот факт; они подвели своих теоретиков и в целом не смогли проследовать путем прогресса, изложенным перед ними. Для Лакло и Муфф этот прогресс был очевиден: он проходил через II интернационал, ленинизм, Коминтерн, Антонио Грамши, Пальмиро Тольятти и сложности еврокоммунизма. Но не все действовали согласно им. В любом случае, можно если не заменить разочаровавших рабочих кем-то, то добавить к ним кого-то еще.

К тому времени, когда Лакло и Муфф писали свои книги, они знали о деморализации, поразившей большую часть левого движения. Наследие Будапешта, Праги, Вьетнама и Камбоджи (лишь несколько примеров, приводимых ими) оставило многих социалистов в растерянности. Но в этом «целом ряде новых позитивных феноменов» могла быть задействована новая энергия. Однако для Лакло и Муфф она, очевидно, срочно нуждалась в «теоретическом переосмыслении»:

«Подъем нового феминизма, протестные движения этнических, национальных и сексуальных меньшинств, антиинституциональная и экологическая борьба, ведущиеся маргинализированными слоями населения, антиядерное движение, нетипичные формы социальной борьбы в странах капиталистической периферии – все это подразумевает расширение социальной враждебности в большое количество областей, что создает потенциал, но не более того, для прогресса в сторону более свободных, демократических и эгалитарных обществ»⁷¹.

Смысл в том, что эти новые группы людей могут быть полезными.

Естественно, те, кто последовал совету и попытался собрать все эти группы воедино, столкнулись с рядом проблем. Помимо предполагаемого расизма, присущего рабочему классу, практики деконструкции 1980-х и 1990-х предоставили новые виды напряжения. К примеру, после того, как критическая расовая теория и гендерные исследования сделали свое дело, было ли нетрудно объяснить, почему некоторые вещи, которые казались устойчивыми (особенно пол и раса), стали, по сути, социальными конструктами, а другие, которые казались более изменчивыми (не в последнюю очередь – сексуальная ориентация) стали выглядеть полностью неизменными?

Если эти вопросы и остановили кого-то, то ненадолго. Одной из черт марксистских философов всегда было то, что они, столкнувшись с противоречиями, не спотыкаются и не задают себе вопросов, как это сделал бы любой, кто стремится узнать правду. Марксисты всегда устремлялись к противоречиям. Гегельянская диалектика продвигается только посредством противоречий и, стало быть, всех видов сложностей – кто-то мог бы назвать их абсурдностями – которые встречаются на пути и которые приветствуются и почти принимаются, как если бы они были полезными, а не причиняющими вред делу. Любой, кто надеется, что теория интерсекциональности растворится в условиях всех присущих ей противоречий, не знает, какие мириады противоречий марксист может держать в голове одновременно.

Идеологические дети политики идентичности и интерсекциональности, похоже, счастливы занимать идеологическое пространство, заваленное противоречиями, абсурдностями и лицемерием. К примеру, одним из основополагающих принципов в фем-исследованиях является то, что жертвам сексуального насилия необходимо верить. Дискуссия об изнасилованиях,

⁷⁰ Laclau and Mouffe, 'Socialist strategy: Where next?'

⁷¹ Laclau and Mouffe, *Hegemony and Socialist Strategy*, p. 1.

жестоким обращении, домашнем насилии и злоупотреблении властным положением лежит в основе фем-исследований. Однако когда студент, посещавший занятия, которые вела Авиталь Ронелл из Нью-Йоркского университета, подал на нее жалобу в 2017 году и обвинил в сексуальных домогательствах, академики-коллеги вступились за обвиняемую. Вместе со Славом Жижекком и другими Джудит Батлер подписала письмо, которое осуждало расследование против Ронелл, в качестве показания ссылавшееся на ее характер («изыщество, остроумие») и делающее попытку тем же манером проехать по репутации обвиняющего⁷². В частности, они требовали, чтобы было «утверждено достоинство Ронелл, по праву заслуженное ее международным статусом и репутацией». Из этого следует, видимо, что обвинения в насилии действительно всегда должны приниматься всерьез, если только жертвой насилия не является мужчина, а обвиняемой – преподавательница феминистской литературной теории. Во всех делах такие противоречия просто должны быть преодолены.

Ради контраста: каждый, кто стоял на пути такого развития событий, был разбит с поразительной энергией. Оружием (обвинения в расизме, сексизме, гомофобии и, наконец, трансфобии) было слишком легко завладеть, а наказания за несправедливое, необоснованное и даже легкомысленное его использование не было. Критики этой новой ортодоксии, включая ученых, обвинялись в том, что ими двигали самые примитивные мотивы. Как писал Стивен Пинкер в 2002 году, «многие писатели страстно хотят дискредитировать любое предположение о врожденном устройстве человека, что выкидывают логику и цивилизованность в окно... Анализ идей теперь часто заменяется политической клеветой и личными выпадами... Отрицание человеческой природы распространилось за пределы академического сообщества и привело к разрыву между интеллектуальной жизнью и здравым смыслом»⁷³.

Конечно, это так. Поскольку целью большого количества академических кругов перестали быть исследования, обнаружение и распространение истины. Целью стало создание, возвращение и пропаганда конкретного – и любопытного – вида политической деятельности. Целью стало не знание, а активизм.

Этот факт скрывается несколькими способами. В первую очередь путем притворства, будто эти академические политические заявления есть не что иное, как наука. Десятилетиями, в течение которых социальные науки разрабатывали основы интерсекциональности, они постоянно преподносили свои заявления так, будто слово «социальный» в их названии не было, зато слово «наука» было истинным. Опять же, здесь они следовали путем, который отсылает к Марксу через Николая Бухарина, Георгия Плеханова и II интернационал. Во всех этих случаях утверждения преподносились как научные, в то время как они представляли собой не столько даже политику, сколько магию. Это было притворство, маскирующееся под науку.

Другой любопытной особенностью интерсекционального движения является маскировка, которую оно использует. Не считая самой популярной работы Маквнтош, одной особенностью, которой обладают и которую разделяют все распространители идеологии социальной справедливости и интерсекциональности, является то, что их работы совершенно нечитабельны. Их письмо обладает умышленно запутанным стилем, используемым тогда, когда автору нечего сказать или когда ему нужно скрыть тот факт, что то, что он пишет, не является правдой. Вот одно предложение из книги Джудит Батлер во всей своей полноте:

«Переход от структуралистского взгляда, согласно которому капитал формирует социальные отношения относительно гомологичным образом, к точке зрения гегемонии, в которой властные отношения подвергаются повторению, конвергенции и реартикуляции, подняли вопрос о темпоральности в размышлениях о структуре и обозначили сдвиг от формы альтюссеровской теории, которая считает структурные тональности теоретическими объектами, к той,

⁷² 'What happens to #MeToo when a feminist is the accused?', *The New York Times*, 13 August 2018.

⁷³ Steven Pinker, *The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature*, Penguin, 2003, p. x.

в которой понимание условной возможности структуры знаменует новую концепцию гегемонии как связанную с условными объектами и стратегиями реартикуляции власти»⁷⁴.

Такой плохой язык применяется только тогда, когда автор пытается что-то скрыть.

Физик-теоретик вроде Шелдона Ли Глэшоу не может себе позволить писать нечитабельным стилем социальных наук. Он должен передать чрезвычайно сложные истины как можно более простым и понятным языком. Взвешивая последние данные в области теории струн, он заключает, что это «не отвечает ни на какой из наших вопросов, ничего не предсказывает и не может быть опровергнуто». «Если ваша теория ничего не может предсказать, – заметил Питер Уойт с некоторой суровостью, – она неверна, и вам следует попробовать что-то другое»⁷⁵. Эта ясность и эта честность еще могут существовать в науке. Но они мертвы – если и вообще существовали – в социальных науках. Кроме того, если бы практики фемисследований, квир-исследований и расовых исследований, когда их теории ничего не могли предсказать, попробовали бы что-то другое, здания их факультетов опустели бы.

Тем не менее, популяризаторы теорий социальной справедливости сделали свое дело, предоставив целую библиотеку работ, которые (какими бы они ни были нечитаемыми) представляют интеллектуальную парадигму, с высоты которой можно принимать политические позиции и делать политические заявления. Любой, кто считает нужным утверждать, что гендер или раса – социальные конструкты, может процитировать целую библиотеку материалов, подкрепляющих его позицию, и процитировать бесконечное количество академиков, которые могут «доказать» это. Обожествляется персона X, которая потом становится объектом изучения со стороны персоны Y, и уже вскоре появляется персона Z, чтобы написать о реартикуляции темпоральности, демонстрируемой любым альтюссеровским сравнением их работ. Любому студенту, размышляющему о том, действительно ли мир таков, может быть мгновенно представлена библиотека устрашающих свидетельств того, что абракадабра, которую он никак не может понять, – его вина, а не вина автора абракадабры.

Конечно, иногда, когда практически невозможно сказать, что написано, может быть написано почти все, что угодно, и исключительно нечестные аргументы могут быть втиснуты в текст под маской сложности. Это – одна из причин, почему Батлер и другие пишут так плохо. Если бы они писали яснее, они вызвали бы больше возмущения и насмешек. Также это причина того, почему в этом поле исследований так сложно понять, где искренность, а где – сатира. Утверждения, которые выдвигались в социальных науках в последние годы, стали настолько оторванными от реальности, что когда их стены были атакованы извне посторонними, оказалось, что у них нет никакой обороны, позволившей вычислить и отпугнуть незваных гостей.

Одной из наиболее прекрасных вещей, случившихся за последние годы, была работа «Концептуальный пенис как социальный конструкт». Это была академическая статья, опубликованная в 2017 году, в которой говорилось:

«Пенис по отношению к мужественности – бессвязный конструкт. Мы заявляем, что концептуальный пенис более понятен не как анатомический орган, но как гендерно-перформативный, в высшей степени изменчивый социальный конструкт»⁷⁶.

Это исследование было отрецензировано и опубликовано в академическом журнале под названием «Cogent Social Sciences». Проблема была лишь в том, что это был розыгрыш, устроенный двумя учеными – Питером Богоссяном и Джеймсом Линдси – которые погрузились в академическую литературу нашего времени. Как только авторы розыгрыша сознались в том,

⁷⁴ Judith Butler, 'Further reflections on conversations of our time', *Diacritics*, vol. 27, no. 1, Spring 1997.

⁷⁵ Consider, for instance, Sheldon Lee Glashow, 'The standard mode', *Inference: International Review of Science*, vol. 4, no. 1, Spring 2018.

⁷⁶ https://www.skeptic.com/reading_room/conceptual-penis-socialconstruct-sokal-style-hoax-ongender-studies

что пошутили, журнал удалил их статью. Но злоумышленники успешно повторили свой трюк с другими академическими изданиями в последующие годы.

В 2018 году те же ученые вместе с Хелен Плакроуз смогли опубликовать статью под названием «Человеческие реакции на культуру насилия и квірперформативности в городском парке для собак города Портленд, штат Орегон» в журнале, посвященном «феминистской географии». В этой статье говорилось, что приставания возбужденных собак в портлендских парках являлись свидетельством «культуры изнасилования», которую многие академики и студенты к тому моменту начали называть самой перспективной линзой, сквозь которую можно смотреть на наше общества. Другая статья, опубликованная в журнале, посвященном «феминистской социальной раб» оте», называлась «Наша борьба – Моя борьба». В ней обманщики успешно соединили отрывки из «Mein Kampf» с пастишами из жаргона феминистской теории социальной справедливости и выдали полученный текст за академическое исследование. В третьей статье, опубликованной в издании «Sex Roles», авторы утверждали, что использовали «тематический анализ застольных бесед» для того, чтобы провести двухлетнее исследование того, почему гетеросексуальные мужчины предпочитали обедать в ресторане «Hooters»⁷⁷. Кроме нескольких быстрых отказов в публикации, в основном после разоблачения розыгрыша рецензенты авторов отворачивались от них и пытались снять Богоссяна с занимаемой им должности в университете.

Шутка, которую разыграли Богоссян и его коллеги, доказывала несколько чрезвычайно серьезных вещей. Оказалось, что не только эти поля исследований оказались площадкой для мошенничества, но и не было ничего, что нельзя было бы сказать, исследовать или заявить – до тех пор, пока сказанное укладывалось в рамки уже существующих теорий и предположений в этих исследовательских полях и использовало их ужасный язык. До тех пор, пока люди готовы говорить, что мы живем в патриархальном обществе, «культуре насилия», в гомофобной, трансфобной и расистской культуре; до тех пор, пока они предъявляют обвинения своему собственному обществу и рассеиваются в восхищении любым другим обществом (из списка одобряемых), утверждать можно будет все что угодно. До тех пор, пока верят в пирамиду угнетения и пропагандируют ее другим, практически все что угодно может попасть в канон нечитательной и нецитируемой академической литературы.

Тем не менее самая большая ошибка состояла не в том, чтобы позволять всему этому происходить в финансируемых государством институтах в течение десятилетий. Настоящая ошибка заключалась в непонимании того факта, что в один прекрасный день плоды этих процессов достигнут и остальных частей общества. В инструкции 2018 года, выпущенной Американской психологической ассоциацией и посвященной тому, как ее члены должны вести себя с проявлениями «традиционной маскулинности» у мальчиков и мужчин, было написано:

«Осознание привилегии и вредоносных влияний убеждений и поведений, которые несут в себе патриархальную власть, доказанным образом снижает уровень сексистских настроений у мужчин и взаимосвязано с участием в деятельности, направленной на достижение социальной справедливости»⁷⁸.

Действительно. Если бы мальчики просто могли осознать, что их гендер – не природный, а «перформативный», они смогли бы однажды сыграть более важную роль в достижении социальной справедливости – именно так, как Лакло, Муфф и поколение других радикалов и мечтали.

⁷⁷ 'Hoaxers slip breastaurants and dog-park sex into journals', *The New York Times*, 4 October 2018.

⁷⁸ 'American Psychological Association guidelines for psychological practice with boys and men', APA, August 2018, p. 10.

2. Женщины

В своей книге 2002 года «Чистый лист» Стивен Пинкер отметил, что гендер уже стал одним из самых актуальных вопросов сегодняшнего дня. Тем не менее он был уверен в том, что научный взгляд победит. На протяжении нескольких страниц он перечислял некоторые биологические различия между мужчиной и женщиной, такие, например, как тот факт, что в то время как у мужчин «мозг большего размера и с большим количеством нейронов (даже с поправкой на размер тела)», у женщин «большой процент серого вещества», а также то, что многие физиологические различия между мужчиной и женщиной сейчас ровно такие, какие предсказал бы эволюционный биолог (самцы в среднем крупнее самок из-за того, что в течение эволюционной истории человека процветало жестокое соперничество за партнерш)⁷⁹. И, делая шаг в сторону того, чему в скором времени суждено было стать отдельной проблемой, он отметил расхождение в развитии между мозгом мальчиков и девочек и эффекты, которые оказывают на мозг тестостерон и андрогены. Это – стимулирующий научный ответный удар людям, заявляющим, что биологических различий между полами не существует. Как сказал Пинкер, «у теории о том, что девочки и мальчики рождаются идентичными во всем, не считая гениталий, а все остальные их различия происходят из того, как обращается с ними общество, дела идут не очень хорошо»⁸⁰.

Однако спустя почти двадцать лет дела у этой теории пошли на лад. Факты однозначно на стороне Пинкера, но самые громкие голоса – нет. В результате с тех пор, как Линкер написал «Чистый лист», наши общества вдвое сильнее уверовали в заблуждение о том, что все биологические различия – включая различия в предрасположенностях – могут отодвигаться в сторону, отрицаться или игнорироваться. Схожий процесс происходил в сфере социальных различий. Любой родитель может заметить разницу между своими сыновьями и дочерьми, но культура говорит им, что этой разницы нет, а если и есть, то это – проблема «перформативности».

Осадок от этого весьма неприятен. Большинство людей – не гомосексуалы. Мужчинам и женщинам нужно как-то ладить между собой. И все же самообман общества насчет биологической действительности – всего лишь один из той череды самообманов, которые оно решило принять. Хуже всего то, что мы начали пытаться перестроить наши общества, и не в соответствии с биологическими фактами, а основываясь на политических фальсификациях, продвигаемых активистами из области социальных наук. Из всех вещей, разрушающих наше общество, все, что связано с полами – и в особенности отношениями между полами – возможно, является самым разрушительным. Факты постоянно здесь, прямо у нас перед глазами. Просто мы не должны их замечать, а если заметили, то должны хранить молчание.

На дворе 2011 год, и пришло время для вручения кинопремии «Независимый дух» в Санта-Монике. Поздним вечером многословных самовосхвалений на сцену поднимаются Пол Радд и Ева Мендес – для того, чтобы вручить приз за лучший киносценарий. Мендес (которой на тот момент 36 лет) говорит, что они с Раддом (которому 41 год) договорились сделать кое-что забавное на сцене, но шоу уже и без того вышло за рамки намеченного графика. Мендес объясняет публике: «Пол собирался схватить меня за грудь. Вы бы все были в шоке, в ужасе, вы бы все хохотали в истерике. Но, похоже, этого нельзя сделать, потому что времени уже нет. Так что...»

Затем Радд многозначительно смотрит на грудь Мендес, кладет свою руку на ее правую грудь и сильно хватает, прежде чем невозмутимо сказать: «Номинанты на приз за лучший

⁷⁹ Steven Pinker, *The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature*, Penguin, 2003, pp. 346 – 50.

⁸⁰ *Ibid.*, p. 350.

киносценарий...» Публика смеется, вздыхает, издает радостные возгласы и аплодирует. Мендес преувеличенно изображает шок. Пока Радд держит ее правую грудь, она использует свою свободную руку, чтобы откинуть волосы назад. Важно выглядеть хорошо, в конце концов.

Все это продолжалось какое-то время, а затем на сцену поднялась еще одна женщина. Актриса Розарио Доусон (31 год) вспрыгнула на трибуну и сильно ухватила Радда за промежность. Аудитория снова вскрикивает, аплодирует и смеется. «О боже, что происходит», – пару раз произносит Мендес в неправдоподобном замешательстве из-за мизансцены, в которой участвует. Она открывает конверт с именем победителя. Все это время Доусон решительно сжимает промежность Радда и машет другой рукой в победном или триумфальном жесте. Хотя Радд уже не держит ни одну из грудей Мендес, Доусон продолжает держать его за пах. Публика продолжает смеяться и кричать от восторга. Потому что это 2011 год, и сексуальные домогательства – это все еще уморительно смешно.

В своем закулисном интервью позже Доусон объяснила свой импульс к равноправному тисканию:

«Я люблю Пола. Я была большой фанаткой Пола еще со времен фильма „Бестолковые“ и все такое. Но он прямо сильно ухватил за грудь, и я такая: „Окей, смешно, типа, ха-ха, окей“ – на какое-то время. Но потом это все продолжалось и продолжалось, уже и свет погасили, и ролик стали показывать, а он ее все держит... И я такая: „Ну ладно, тогда я возьму его за причиндалы“. Почему нет? Было даже приятно. Было неплохо. Вообще-то, неплохие причиндалы. Мне, когда я смотрела подростком фильм „Бестолковые“, было любопытно, как там у него. Ну да, а потом он перестал... Просто я активистка за права женщин, и мне начало немного надоедать, что он держит ее за грудь на сцене в течение получаса. Ничего страшного, было забавно».

Мужчина-интервьюер убеждает ее: «Это был один из... На это последовала огромная реакция». «Окей, хорошо», – отвечает она и продолжает:

«Я схватила его за причиндалы на сцене. Было довольно круто. Почему мужчины всегда лапают? Женщины тоже хотят полапать. Вы знаете, о чем я. Я просто вот что хочу сказать. Просто соблюдаю равноправие»⁸¹.

Это было в те времена. Праздник тисканий на церемонии вручения наград «Независимый дух» не был из ряда вон выходящим и не осуждался. Идея тискания, хватания и обнажения себя перед людьми противоположного пола могла восприниматься с некоторым презрением в широких слоях общества в течение долгих лет. Но в Голливуде это было частью развлечения. В профессии, для которой нагота нормальна и в которой появился термин «кастинг на кушетке», нелегко выявить границы допустимого. Это – одна из причин, почему Голливуд – неподходящее место ни для создания нравственной этики, которой следует придерживаться, ни для создания морального кодекса, показательного для всего, что выходит за рамки индустрии развлечений.

В Голливуде всегда были другие стандарты. Это – единственная индустрия в XXI веке, в которой человек, находящийся в бегах из-за дела по изнасилованию малолетней, приветствовался, почитался и даже считался жертвой по мнению своих коллег. Если бы бухгалтер, социальный работник или сорокалетний священник изнасиловали 13-летнюю девочку, они, может быть, избежали бы наказания, как Роман Полански. Они могли бы найти заступников среди своих друзей. Но это было немыслимо – даже в католической церкви – чтобы кому-то аплодировали на телевидении в прайм-тайм как мастеру своего дела, в то время как этот кто-то находился бы в бегах, преследуемый правосудием. Голливуд и публика, состоящая из коллег

⁸¹ AccessOnline.com video, 'Rosario Dawson talks grabbing Paul Rudd's "package" onstage at the 2011 Independent Spirit Awards', 27 February 2011.

Полански, во время вручения «Оскара» в 2003 году не ощущали импульса, который удерживал бы их от этого.

Это всегда был немного отдельный мир – какими всегда были центры мира искусства и мира развлечений – а также самое неподходящее место из всех возможных для того, чтобы установить нормы поведения в обществе. Особенно такие сложные нормы поведения, как отношения между полами. Только в Голливуде знаменитый режиссер вроде Вуди Аллена съедет от жены из-за того, что был пойман на том, что имел отношения со своей приемной дочерью. Однако это тот же город и та же индустрия, которые породили Глорию Грэм в 1940-х годах. Из четырех ее мужей четвертый (Тони Рэй) был сыном второго мужа (Николас Рэй) и его первой жены. Отношения между Грэм и Тони Рэем стали достоянием общественности после того, как она была обнаружена в постели с ним – в то время ей было почти тридцать, а Рэю – всего 13 лет.

Поэтому было бы ошибкой создавать из Голливуда и актеров моральные ориентиры. Но, когда в 2017 году разразился скандал вокруг Харви Вайнштейна, была попытка сделать именно это. Каким-то особым образом странность индустрии развлечений является зеркалом. И если она – не пример того, как следует себя вести, то она – зеркало, отражающее замешательство эпохи. В особенности – замешательство на тему того, какие роли могут играть женщины – и какие роли от них ожидает общество. Особенно в эпоху, которая колеблется между развратом и ханжеством и не находит равновесия.

Рассмотрим ту теплоту, с которой зрители восприняли появление актрисы Дрю Бэрримор на «Вечернем шоу с Дэвидом Леттерманом» в апреле 1995 года: 12 апреля был день рождения Леттермана, Бэрримор была гостьей программы и описывала среди прочего свое новое пристрастие к обнаженному танцу. Несмотря на то, что ей тогда было 20 лет, Бэрримор в течение всего интервью меняла роли то уверенной сексуальной женщины, то озорной маленькой школьницы.

Наконец, представив это как подарок на день рождения, прямо на глазах у зрителей в студии (которые кричали, смеялись и улюлюкали), Бэрримор спросила Леттермана, хотел бы он увидеть такой танец. Не дожидаясь ответа, она крикнула группе музыкантов, чтобы те начали играть, забралась на стол ведущего и исполнила танец для Леттермана – женатого мужчины вдвое старше ее самой. Двигаясь вверх-вниз, с руками, поднятыми над головой, и открытым животом, Бэрримор подвела танец к кульминации, задрала свой короткий топ и показав голую грудь заметно шокированному Леттерману. Публика не видела грудь, однако камера запечатлела то, что позорная колонка издания «Mail Online's» обозвала «боковой частью сиськи». Но публике все было мало. Им все очень понравилось, они хохотали, кричали в течение всего представления и одобрительно взревели, когда Бэрримор оголилась перед ведущим.

Сделав это, Бэрримор сразу же повернулась к аудитории, раскинув руки, чтобы насладиться одобрением аудитории, затем вернулась на стол, встав на четвереньки, и поползла к Леттерману, поцеловала его в щеку и потрепала по затылку. Вернувшись на свое место, она отбросила маску оторвы и перевоплотилась вновь, сев с ногами в кресло и прижав колени к подбородку, как маленькая девочка, которая знала, что плохо себя вела.

Конечно, прозвучало бы правдоподобно, если бы мы сказали, что 1995 год был другой эпохой. Но это не совсем так. Этот эпизод вспоминали с такой же теплотой в 2018 году, когда Бэрримор вернулась – на этот раз на «Вечернее шоу со Стивеном Кольбером». Так Бэрримор, старше, если не мудрее, размышляла о том, какой «реально, типа, чокнутой» она была раньше. В частности, она вспомнила тот эпизод на шоу Леттермана. «Прямо в этой студии я сделала кое-что с мистером Леттерманом», – сказала она. Аудитория одобрительно посмеялась над этим воспоминанием. Кольберт, который придерживался строгой линии поведения во время обвинений в рамках движения «MeToo», появившихся всего несколько месяцев назад и продолжавшихся по сей день, разбудил воспоминания в Бэрримор. «В его день рождения. В его день рождения, – напоминал он. – Знаменитый случай».

Бэрримор подхватила тему о воспоминаниях. «Я была типа: „Чего?“», – начинает она: «Иногда я думаю. Что это, типа, не похоже на меня. Это как бы далекое воспоминание, не похожее на меня. Но это я. И это довольно круто. Мне это все еще нравится. Я – мать двоих детей. Я полностью, типа, понимаете, ну, не знаю. Я теперь настолько другой человек, что это уже не похоже на меня, но мне это все еще, типа, нравится».

И все это было встречено смехом и аплодисментами от аудитории и одобрением от Кольберта, который затем перешел к разговору о том, что Бэрримор была одной из первых знаменитых женщин в Голливуде, которая создала собственную продюсерскую компанию. Он использует этот момент для того, чтобы спросить, чему это может нас научить о женской эмансипации в Голливуде и о «том, что происходит сейчас»⁸². Ни в какой момент на эпизод, произошедший в 1995 году, не смотрели ни с чем, кроме теплоты.

А почему бы и нет? Годами никто не подвергал сомнению, что оголяться перед мужчинами, заставляя их чувствовать себя неудобно, трогать и приставать к ним – это особенно «феминистично». Как это и знал Кольберт на собственном опыте.

Он был еще новичком на телевидении, когда брал интервью у Джейн Фонда в 2007 году. Это произошло спустя пару лет после того, как Фонда возродила свою актерскую карьеру, сыграв свекровь героини Дженнифер Лопез в нашумевшем фильме «Если свекровь – монстр». Но Фонда пришла на шоу Кольберта, чтобы разрекламировать новый фильм «Крутая Джорджия», который вскоре провалился в прокате. В свои 69 лет Фонда явно стремилась продемонстрировать публике, что она «еще ничего». И поэтому она устроила целое шоу во время интервью, начав проявлять сексуальный интерес к ведущему. Тот факт, что фильм, который она рекламировала, был о сексуальном насилии, не подсказал ей, что она выбрала не лучшее время для своих действий.

В самом начале интервью она забралась на колени к Кольберту. Там она просидела все время. Также в какой-то момент она «по-взрослому» поцеловала его в губы и сказала, что знает, что он фантазировал о ней. «Это не совсем то, как я представлял себе ход этого интервью», – сказал ведущий. Кольберт несколько раз пытался сменить тему и даже пытался свести ее к вопросу антивоенных протестов. Но Ханойская Джейн была непреклонна. Она продолжала ласкать Кольберта, целовать его в щеку и тискать. Затем она заговорила о преждевременной эякуляции. Это тянулось вечно.

⁸² The Late Late Show with Stephen Colbert, CBS, 20 March 2018.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.